

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ЖЕСТОКИЙ
РИКОШЕТ

Сергей Васильевич Самаров

Жестокий рикошет

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174342

Сергей Самаров. *Жестокий рикошет*: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-30904-7

Аннотация

Главарь чеченских боевиков Дидигов хочет взять в плен тридцать российских солдат, чтобы обменять их на своего брата, арестованного федералами. Одиннадцать пленных у него уже есть. Вернее – десять. Одиннадцатый – спецназовец ГРУ Денис Кадочников – сбежал, убив двоих конвоиров. Мало того – Денис в одиночку решил освободить пленных. Он движется навстречу погоне, методично «прореживая» ряды боевиков. Счет уже идет на десятки, а конца схватке не видно. Впрочем, Денис и не торопится, теперь он диктует условия боевикам...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ I	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ	13
1	13
2	27
ГЛАВА ВТОРАЯ	44
1	44
2	60
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	80
1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сергей Самаров

Жестокий рикошет

ПРОЛОГ

Стол в кабинете был девственно чист, и на его полированной поверхности не было ни соринки.

– Все равно я этого не понимаю~ Как же так получилось, что вы бросили их?~ – Подполковник ФСБ, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

– Мы не бросили, товарищ подполковник. Мы предприняли поиски, которые результата не дали. Никаких конкретных следов, по которым мы могли бы пойти в оперативный поиск, – ответил старший лейтенант спецназа ГРУ с пышными усами. Редкие усы. Таким мог бы и сам маршал Буденный позавидовать. – Но поиск продолжается и без нас, а мы получили приказ сниматься. Мы получили приказ еще до ЧП и обязаны были его выполнить.

Второй старший лейтенант, безусый, стоял молча и поглядывал в окно. Он то ли не слушал разговор, то ли был погружен в какие-то свои мысли. За окном, впрочем, ничего интересного не происходило.

– Дезертирство исключаете? – Подполковник Жданов остановился и поковырял носком ботинка отогнувшийся на

стыке край линолеума, потом подошвой плотно его придавил и остался на нем стоять.

– Исключено.

– Да, конечно~ Какое может быть дезертирство в условиях полевого лагеря, – расшифровал подполковник короткий ответ старлея. – Дезертировать они могли бы из расположения части~ Большой населенный пункт. Переоделся, сел на поезд. Лучше на товарняк. В прошлом месяце два солдата-срочника так из Дагестана дезертировали. С оружием. На товарняке уехали. Их охрана путей на следующей станции сняла. Ладно хоть отстреливаться не начали.

– Наши, товарищ подполковник, не срочники, наши контрактники. Контрактники обычно не дезертируют, а только в самоволки бегают. Если есть куда бегать. За водкой. По девкам. Это два основных пути во всех частях, и среди срочников, и среди контрактников.

Подполковник снова пошел по кабинету и, соглашаясь со старшим лейтенантом, закивал в такт своим шагам.

– Вот для вас и направление поиска. С другими солдатами говорили?

– Конечно.

– И что? Какую они версию высказывают?

– Мало отличную от нашей. Все трое не из тех, кто любит выпить. У нас в отряде вообще таких нет. Отбор жесткий. Это в простых частях по контракту, как правило, набирают кого попало. Из всех силовых структур, пожалуй, только к

нам и в спецназ внутренних войск целенаправленно приходят только те, кто хочет воевать. По духу, товарищ подполковник, парни такие. Отбор, повторяю, жесткий. И пьющих у нас не держат. Но~ Все остальное допустимо. Мы проводили поиск. Младший сержант Кадочников, по слухам, завел себе подружку в селе. Наведывался временами. Несколько раз в месяц, пока мы рядом с селом стояли. Про Ласточкина и Игнатьева подобного не знали. Иначе парни сказали бы~ Мы рассматриваем вариант, при котором Кадочников мог попросить свою подружку найти подруг для своих друзей. С другой стороны, если эта версия не верна, связывать исчезновение солдат с подружкой Кадочникова нельзя. По данным местного участкового, в селе не наберется и трех незамужних подружек подходящего возраста, хотя село большое~ Но там нравы относительно строгие~ Одну еще можно подыскать~ Скажем, вдову молодую~ Но чтобы стразу три – участковый говорит, нереально.

Подполковник был профессиональным розыскником, он не знал способностей спецназа ГРУ, а потому по-своему оценил ситуацию.

– Сами почему не нашли подружку этого Кадочникова? Неужели так сложно? Зачем участкового впутывать.

– А как ее найдешь, товарищ подполковник? Даже имени ее никто не знает~ Есть только предположения участкового, больше ничего. А он сам нам имени не говорит – не хочет на кого-то наговаривать лишнего. У них с этим строго. Мест-

ные условия~

– Я знаком с местными условиями хорошо. Не первый день здесь. И сдается мне, что местный участковый лукавит. Ваше командование как отреагировало на ЧП? Какие-то меры провести предполагает? – Жданов, кажется, был невысокого мнения о местном министерстве внутренних дел и надеялся на оперативность работы спецназа ГРУ.

– Еще не встречались. Своему командованию успели только радиограммой доложить. Еще вчера. Но не встретились. Нас сразу к вам вызвали. Можно сказать, с дороги сняли. По крайней мере, с порога казармы. Мы только вернулись, сразу подошла машина.

– Да, я выезжаю в местную командировку, потому торопился. Будут данные, обязательно сообщайте. У нас есть по этому району нехорошие факты, но пока обобщить их трудно. Их даже фактами назвать трудно. Больше, скажем так, слухи. Обязательно сообщайте. И своему командованию передайте. Пусть с Дагестаном свяжутся. Там в бригаде точно такие же потери. За полтора месяца восемь солдат пропали. Все – спецназ ГРУ. Не знаю, как с вашим случаем, но там постоянно фигурировал вариант ловушки через женщину. Это вообще в мировой практике самый распространенный, как вам, наверное, известно, вариант ловушки.

– Мы, товарищ подполковник, мировую практику изучали несколько в ином направлении. – Второй старший лейтенант наконец-то включился в разговор.

Командование на ЧП в отдельном отряде спецназа ГРУ отреагировало, естественно, отрицательно. Заместитель командира бригады специально по этому вопросу приехал в Ханкалу и вызвал «виновных» в разведуправление РОШ¹. Встретил в отдельном кабинете, куда двух старших лейтенантов отправил дежурный офицер управления. Выглядел замкомбриг хмуро, хотя, вопреки опасениям старших лейтенантов, обвинения им не предъявлял:

– Как могли такое допустить?

Старшие лейтенанты стояли перед подполковником Владимировым молча.

– Что молчите? Радченков, ты командир отряда, отвечай!~

– А что здесь можно ответить, товарищ подполковник? – Вячеслав Радченков только сердито усами передернул. – Вы хотите услышать банальные фразы?

– Я хочу услышать, что было сделано и что еще можно сделать в дополнение~

Начался пересказ того, что было час назад сказано подполковнику из ФСБ, с теми же деталями и соображениями.

– Да сядьте вы, – в середине разговора махнул рукой под-

¹ РОШ – региональный штаб по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе.

полковник.

Он сам отлично понимал, что офицеров в этом случае наказывать не за что, хотя их, конечно же, накажут, поскольку в армии не бывает так, чтобы не нашелся виновный. Но лучше все же наказания избежать, потому что наказывать не придется в том случае, если дело не будет предано огласке. А не предать его огласке можно только при одном условии: когда пропавшие три солдата будут найдены, причем найдены обязательно живыми и возвращены в отряд.

Приказ о снятии отряда с места временной дислокации отдавался накануне ЧП. Это была еще одна точка, от которой можно было просчитывать варианты.

– Солдаты знали, что должны возвращаться? – спросил подполковник.

– Никак нет, – ответил старший лейтенант Скорняков, с завистью поглядывая на усы второго старшего лейтенанта, поскольку у него у самого не только такие не росли, у него вообще не росли ни усы, ни борода. – Не желали расслаблять личный состав.

– Они из твоего взвода? – спросил Владимиров.

– Так точно.

– Парни-то как? Нормальные?

– Хорошие парни, товарищ подполковник. В бой я с ними ходил и снова пойти готов. С каждым из них. И вместе, и по отдельности. И спину готов подставить, зная, что прикроют. Никаких претензий по службе.

Подполковник вздохнул:

– Ну и что делать-то думаете?

– Если бы нас не сняли с точки, продолжали бы поиск. Есть еще одна отправная точка~ Вы в курсе, товарищ подполковник, что в Дагестане восемь солдат пропали? Все – из спецназа ГРУ.

– В курсе. Потому и беспокоюсь так.

– Естественным будет предположить, что это звенья одной цепи.

– Предположить такое можно, только что это нам дает? Здесь даже нет намека на путь для поиска.

Владимиров поднялся из-за стола и прошелся за спинами старших лейтенантов. Они завертели головами, провожая его взглядами.

– Легко сказать~ – решил наконец Владимиров какую-то задачу в уме.

– Что сказать, товарищ подполковник.

– Думаю, как вас назад отправить~ Посидите, я в оперативный отдел загляну. Я быстро.

* * *

Что значит понятие «быстро» в решении штабных вопросов, старшие лейтенанты не просто догадывались, но и знали на практике. Они, люди не штабные, привыкли работать в боевой обстановке более оперативно, чем оперативный от-

дел штаба. А здесь пришлось ждать~

Между собой они почти не разговаривали, каждый предавался своим мыслям. Прошло минут сорок, за которые какой-то старший лейтенант дважды заходил в кабинет за бумагами. Спецназовцев при этом он ни о чем не спрашивал. Они, понимая, что оккупировали чужой кабинет, чувствовали себя неуютно, но раз приказано ждать, ждали.

Подполковник Владимиров вернулся, сел молча за стол, немного подумал, а потом сообщил:

– Так, короче говоря~ Отряд выводите в бригаду. Сегодня в ночь. Машины вам выделяют. На машинах сами сюда вернетесь. Вас двое, подберите еще восьмерых самых надежных и самых нужных в рейде. Профиль специалистов выберете сами. Вас, грубо говоря, придают спецназу внутренних войск. Вместе с «краповыми» пойдете в рейд по району. Нюанс и одновременно нонсенс. Можете опираться на поддержку «краповых», но ни вы не подчиняетесь их командиру подполковнику Волкотрубку, ни он, естественно, не подчиняется нам. Хотя официально вас к ним передают, как я сказал~ Зовут подполковника Александр Гаврилович. Серьезный человек. Слышали, наверное, про такого?

– Герой России~ – напомнил Радченков. – Бритоголовый такой~

– Да, кажется, дали ему Героя. Слышал я. Мы уже лет пять как не встречались. Мужик крутой, в делах спуска не дает ни своим, ни чужим. Местные его лысиной детей пугают. Его

отряд временно тоже переподчинили – передали в ФСБ. Он выполняет их задачу. Ваша задача ясна. Сотрудничаете, но делаете свое дело~ Я с Волкотрубом поговорю через полчаса. Он из ФСБ сюда заедет. Наверняка помощь окажет. Вы пока готовьте свой отряд к передаче, подбирайте состав для рейда. Вячеслав, есть кому отряд передать?

– Есть, товарищ подполковник.

– И хорошо. Как машины за вами придут, гоните в бригаду и возвращаетесь. Волкотруб со своими выступает завтра в ночь. Согласуете все с ним, потом до ночи отдыхаете. И солдат мне – найти! Живыми найти и освободить.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Я стиснул зубы. Осталось последнее движение, которое я проделал резко, с усердием и злостью. Вот так вот.

Я все-таки оторвал этот распроклятый рукав!

Что такое закон вредности, я хорошо знаю и теперь столкнулся с ним в очередной раз. Сколько помню, всегда солдатская одежда была такого качества, что только повернуться резко попробуешь, швы уже трещат и расходятся. А тут мне такая куртка попала, что оторвать рукав никак не удавалось. Словно силы в руках совсем не было. Я забирался на последнюю скалу, чтобы перебираться с одной террасы склона на другую без томительного часового обхода, все силы, что в запасе имел, безрассудно израсходовал. Но оторвать рукав было необходимо, даже не имея на это сил. Листьев в «зеленке» не напасешься, чтобы постоянно рану в бедре заклеивать. Листья не успевают присохнуть. Кровь от энергичного движения тоже энергично циркулирует и листья от тела отталкивает. Рану, естественно, перевязать следует и толь-

ко потом уже бегать. Рот от бега и быстрого шага пересох и, кажется, готов трещинами покрыться. И забрался я слишком высоко. Обычно на такой высоте редко ручьи бывают, так что напиться негде. Хотя ручьи тоже бывают. Вершины гор высокие, снегом покрыты даже в самую жаркую погоду. Там, наверное, ледник. Из ледника должны ручьи струиться. Следует искать трещину, потому что ручьи всегда стараются по трещинам спускаться. А сейчас бы хоть горсть снега в рот положить. Но мне до вершины еще далеко, да и не надо бы мне на нее. Мне не на снегу, мне в «зеленке» лучше, где следов не оставляешь. Только кровь капает, а это тоже след, хотя и не такой заметный, каким он был бы на снегу. Но кровь с травы не подотрешь. А отвалившиеся окровавленные листья я все же прятал в карман, чтобы они меня не выдавали. Опытный глаз всегда эти листья заметит~ По крайней мере я, если бы за беглецом по следу шел, обязательно заметил бы. Тем более я искал бы их, потому что знал бы, что беглец ранен, что первые следы крови он оставил там, где в него стреляли, и там ему было не до листьев, способных приостановить кровотечение.

Рукав оторван. Теперь рану есть чем перевязать.

Конечно, в идеале рану хорошо бы холодной водой омыть, но ручья по-прежнему нигде не только не видно, но и не слышно. А тишина вокруг такая – горная, специфичная, что слышно должно быть далеко вокруг. При такой тишине, бывает, услышишь журчание воды, но долго к ручью идти при-

ходится.

Не слышно пока не только ручья, не слышно, слава богу, и звуков погони. Но я, поднявшись на следующую террасу по скале, создал себе отрыв во времени. Когда погоня появится, я ее сверху увижу и смогу дальше уйти~ Может быть, и еще одну скалу преодолею, тогда отрыв еще увеличу. Хотя, скорее всего, карабкаться по скалам уже не нужно. Только следующий поворот тропы займет при обходе полчаса. Подъем на скалу столько же. Какой смысл тратить последние силы. Лучше уйти как можно дальше. Не знаю куда, но стороны света определять я могу и днем, и ночью. Даже без компаса, который мне бандиты выделить забыли. Следовательно, если знаю направление, то куда-нибудь все равно выйду. А это главное. Впрочем, направление тоже не все решает, потому что выходить следует именно к своим. Хотя бы к пограничникам. А это значит, что тогда идти следует на юг. К пограничникам, наверное, ближе, хотя я не могу точно сказать, где нахожусь. Но путь на юг труднее, там горы~ На север идти дальше и дольше, но там путь легче и больше возможности на армейцев наткнуться. Однако при этом можно и на местных жителей нарваться, и на местных ментов, а это то же самое, что к бандитам с поднятыми руками выйти.

Ладно. С этим можно и позже разобраться. Сейчас более насущные вопросы решить необходимо.

Ну, хоть бы маленький ручеек попался. Самый тоненький. Воды несколько глотков. Ледяной, чтобы зубы заломило. И

рану обмыть. Рана после холодной воды не так кровоточить будет. А ледниковая талая вода, говорят, особо чистая, почти стерильная. Я, помню, читал где-то про талую воду. Люди специально воду замораживают, дают части ее оттаять и пьют, потому что быстрее тает очищенная вода. Так даже больные лечатся. И, говорят, это помогает. Я ничуть не лучше больного, хотя болезнь моя особого характера и лечится не кем-то, а военными хирургами, как всякое огнестрельное ранение.

Вообще-то рана пустяковая. Рваная, с внешней стороны бедра. Пуля по касательной прошла. Если пуля по внутренней стороне бедра проходит – это практически конец, надеяться выжить можно, только если быстро эвакуируют вертолетом, потому что с внутренней стороны бедра проходит артерия. В этом случае срочная операция нужна. А внешняя сторона – пустяк~ Только кровотечение следует остановить. Ну и, естественно, не двигаться. Это необходимость. Но не двигаться в моем положении означает смерть. Поэтому хотя бы одно из двух обязательных условий следует выполнить, то есть следует остановить кровотечение, но передвигаться, уходить дальше, создавать отрыв~

Оторвав рукав от куртки, я разорвал его на две полосы, потом каждую из полос точно так же разорвал по длине на две части. В итоге у меня получилось четыре недлинных импровизированных бинта. Не гигиенично, но все же лучше, чем ничего. Обложив рану по краям и сверху предваритель-

но разжеванными листьями вместо ваты, я поочередно наложил на ногу весь наличный перевязочный материал. Попробовал ступить, сделал пару шагов. Нет, туговато затянул. С такой тугой повязкой и ходить быстро невозможно, и вообще нога через десять минут синеть начнет – кровь циркулировать перестанет.

Пришлось снова сесть, но невозможно было определить, какой из четырех камуфлированных бинтов перетянут. Перевязал все заново. И еще листьев с ближайшего куста добавил. Попробовал. Кажется, самое то, что нужно.

Я сложил приклад автомата. Это тоже не сразу удалось. Кнопка пружины оказалась очень тугой, а с моими ослабленными пальцами такую работу лучше не делать. Тем не менее приклад мешал мне во время подъема на скалу. Может и потом помешать. А стреляю я почти одинаково хорошо, что с прикладом, что без него~ Для дальнего выстрела, конечно, приклад необходим. Но я с дистанции никого расстреливать не собираюсь. Я стрелять буду только вблизи, наверняка и лишь в случае крайней необходимости. И потому я кнопку все же вдавил и приклад сложил. Потом на нижнюю тропу выглянул~

Нет, погони пока не видно~ Это беспокоило, как ни странно. Потому что должна быть погоня. Меня обязательно должны догонять, должны в меня стрелять, должны пытаться вернуть или убить. Я же убил их парня и его автомат захватил. Правда, второй успел дать очередь, но я, как полага-

ется, влево, если от стрелка смотреть, смещался², а очередь была неподготовленной, слишком длинной, чтобы быть точной. И потому меня только одна пуля царапнула. Но эта очередь была единственной, потому что я на бегу успел переключить переводчик огня и не глядя дать ответную короткую хлесткую очередь. Не только не глядя на противника, но даже не глядя на результат своей стрельбы. Может быть, даже попал – не знаю, не буду утверждать, но в меня по крайней мере больше не стреляли. Судя по той очереди, что в меня выпустили, стрелок там был без боевого опыта. Такой мог от встречной очереди не просто залечь, а как страус – голову в песок, ничего не вижу, ничего не слышу. И не подниматься от страха еще долго. Сейчас такие часто встречаются. Впрочем, такие всегда встречаются. С оружием в руках против безоружного – герой, а когда в тебя стреляют, то ситуация уже иной кажется, и воевать сразу пропадает желание~

Тем не менее я не рискнул вернуться и взять у убитого мною бандита запасной рожок. Тот магазин, что был в автомате, – я по весу чувствовал, неполный. Но этот, второй стрелок, жив он или убит – трудно сказать, мог бы и меня подстрелить~ А мне нельзя сейчас рисковать, и подставляться под случайный выстрел нельзя. У меня иная задача.

² При стрельбе из автомата оружие стрелка смещается влево. Следовательно, убегающему от обстрела следует смещаться вправо, если смотреть от стрелка, и влево, если смотреть от себя, то есть против произвольного движения ствола.

Ручей я все же нашел.

Как и ожидал, он струился в неглубокой трещине, стекал в каменную ямку, где стояла лужица, но оттуда не вытекал, уходя куда-то в раскол скалы, вниз, где, наверное, снова на поверхность прорывался. Тоненький, тоньше, чем струя из-под едва открытого крана. Но вода показалась невероятно вкусной. На нее даже смотреть было приятно, и я не сразу пить стал. Я сначала на камень рядом с ручейком сел и долго смотрел на струйку, наслаждаясь таким вот своим состоянием, когда рот сохнет, и сохнет все сильнее при виде воды, а я знаю, что стоит мне наклониться, я могу воды зачерпнуть полные ладони. Но я не зачерпывал. Я ждал, заставляя себя испытать все «прелести» жажды. И только потом наклонился над ручейком. Но все равно сразу пить не стал, а сначала умылся.

Вода воистину была ледниковой. Даже ладони и пальцы ломило, когда воду ими зачерпывал. А потом, когда умывался, щипало кожу лица. Приятно щипало. Обжигало. Но голова сразу посвежела и просветлела.

Я осторожно обмыл разбитую губу. Ее сильнее всего щипало. Слизистая оболочка вообще плохо переносит перепад температуры и влажности. Потом старательно смыл кровь с рассеченной брови. Бровь лучше не тереть, чтобы на рассе-

чении засохшую корку не потревожить, иначе кровь опять глаз зальет, как она заливала. Это неприятно, и неприятно для меня вдвойне, потому что у меня рассечена левая бровь, а я в стрельбе левша³. Кровотечение из брови может помешать при надобности прицеливанию.

И только после умывания я позволил себе попить. Я наклонился ниже, и из-за ворота вывалился простой оловянный нательный крестик на бечевке, закачался над водой~

И сразу вспомнилось~

* * *

~Нас выбросили из машины, связанных~

Не только руки, но и ноги связаны. А из тесного багажника джипа, где мы все трое лежали в неудобных позах, скрючившись, придавив один другого, нас выбрасывали, ухватив за шиворот. Потом над головами почти беззвучно закрылась дверца багажника. Глупо, но мне подумалось тогда не о своем положении, а о том, что в наших российских машинах дверцы никогда, наверное, не будут закрываться так беззвучно. А потом нас выхлопным газом обдало, потому что

³ Левша в стрельбе вовсе не обязательно работает левой рукой. Он только при прицеливании прищуривает правый глаз и приклад прижимает к левому плечу. Левше удобнее стрелять из-за угла вправо. Опытный командир всегда делит бойцов на левшей и правшей, чтобы при проведении боя в населенном пункте использовать сильные стороны каждого.

сдвоенная выхлопная труба прямо перед нами находилась. И пусть спецы по охране природы говорят, что дизельные двигатели более экологичны, чем бензиновые, но воняет не полностью сгоревшая солярка гораздо хуже бензина. Это любой скажет. Впрочем, может быть, у нас солярка в стране такая, что на легковой машине долго ехать позади чадающего грузовика даже с закрытыми окнами тошно~ А уж в Чечне-то солярка тем более известно, какого качества~

Мы все трое закашлялись. И услышали смех. Джип «Гранд Чероки» поехал дальше – наверное, где-то неподалеку был гараж, а смеявшиеся остались рядом с нами. Наверное, это было в самом деле смешно – трое связанных крепких парней корчатся от кашля. Ладно~ Спасибо еще, что тяжелый внедорожник не назад сдал. Но нас, наверное, не для того неизвестно куда везли, чтобы здесь, по прибытии, машиной переехать. Это чуть-чуть успокаивало~

– Вставайте, – властно и высокомерно произнес мужчина с грубым голосом.

Ветерок, слава богу, еще дул, и облако сизого дыма от нас отнесло. Но кашель не сразу прекратился. Однако не кашель мешал нам встать, а связанные конечности. Вообще-то при желании я смог бы и в таком положении встать. И Серега с Вованом тоже. Но к чему было показывать этой наглой публике акробатические этюды~

– Вставайте, – теперь уже угрожающе проговорил мужчина.

Сергея с Вованом, естественно, ждали, как старший по званию себя поведет, я то есть. На звание вообще-то им, конечно, было наплевать, но они всегда на меня сначала по-сматривали и только потом что-то сами делали. И потому я первым всем своим видом показал, что со связанными ногами нам не встать. Сергей с Вованом повторили веселящие народ движения.

– Поднимите их, – приказал все тот же голос.

Нас снова почти вежливо подняли за шиворот. И даже поставили, можно сказать, в одну шеренгу. Так, чтобы мы перед распоряжающимся здесь всем человеком предстали. И он прошелся перед нами. Важно, как император Наполеон – небольшого роста лысый человечек с солидным пузом. Смотрел брезгливо и надменно.

Остановился около меня. Рост все же позволил ему мои погоны рассмотреть. Признал, значит, за командира. Но сразу ничего не сказал. Только увидел под распахнутым воротом маленький оловянный крестик. Шнурок потрогал, но к кресту не прикоснулся.

– Это что?

– Это не золото, – сказал я.

– Вижу, что не плутоний.

Интересно, где он плутоний видел. Где бы его искать сейчас пришлось, если бы он с плутонием вот так близко встречался.

– Я спрашиваю, что это?

– Нательный крест.

– Верующий, что ли?

– Верующий, – подтвердил я уверенно, хотя сам был в этом только наполовину уверен. В моем понятии, верующий человек – это тот, кто *по-настоящему Верит*, не как я и как большинство – от случая к случаю и на всякий случай, а именно *по-настоящему, самозабвенно*.

– Сними.

Я передернул плечами. Показал: мол, как я могу снять крестик со связанными за спиной руками? Не зубами же. Да зубами и не получится.

– Развяжите ему руки.

Руки мне не развязали – веревку просто разрезали здоровенным, похожим на меч кинжалом. И я принялся усиленно растирать запястья. Крепко связывали, руки затекли, пальцы стали непослушными, движения неуверенными.

– И ноги развяжите, – раздобрился маленький, толстый и лысый.

И на ногах путы разрезали. Только на щиколотках две петли так и остались висеть. Я ногами несколько раз переступил, восстанавливая кровообращение.

– Сними.

Я потрогал пальцами сначала шнурок, потом сам крестик. Он почему-то казался очень теплым и невесомым. Шнурок, наверное, тяжелее.

Я опустил руки. Вернее, они сами, меня не слушаясь, опу-

стились~

– Сними, и жить будешь.

Но не он мне в глаза посмотрел.

Я посмотрел ему в глаза, хотя ему, наверное, показалось, что это не так. Долго-долго смотрел. И понял: он просто жаждет в моих глазах испуг увидеть. Но кто сказал, что я должен доставлять ему удовольствие! Хрен ему!

Я молчал и смотрел спокойно. И взгляда не отводил.

– Что молчишь! Я велел тебе крест снять.

А я молчал. Я совсем не боялся того, что со мной будет.

Пузатый лысый коротышка уже понял, что характер у меня есть, повернулся, взял из рук одного из своих людей автомат и ударом ребра ладони сбил предохранитель сразу в нижнее положение автоматической стрельбы.

– Сними крест.

– Не сниму.

– Сильно веришь в своего Христа? Готов на муки за него?

– Готов, – сказал я спокойно.

Я не в героя играл. Я просто просчитал ситуацию. Война здесь, в Чечне, уже, по сути дела, давно закончилась. Остались только отголоски этой войны, остались бандиты. Так было и после Гражданской войны в восемнадцатом году, так было и после Второй мировой в сорок пятом~ На войне бывают пленники. На войне бывает много пленников~ Но мы не пленники. Мы – просто похищенные солдаты. Однако если нас похитили, значит, имели определенную цель. Не так-

то и просто людей похищать, тем более солдат, как это кажется. И каждым похищенным солдатом они разбрасываться не будут. Если похитили, то я представляю собой реальную ценность. И не будут в меня стрелять, как могли бы застрелить простого пленника, попавшего к ним в руки во время боя. Я нужен для чего-то~

Другое дело, что пузатый лысый коротышка может пожелать свой авторитет поддержать. Чеченцы всегда дорожат своим авторитетом. Тогда может и застрелить. Шансы пятьдесят на пятьдесят~

Я смотрел ему в глаза. Спокойно смотрел.

Он не выдержал.

– Тех двоих – к остальным, – кивнул коротышка на Серегу с Вованом, потом на меня опять посмотрел и ненадолго задумался. – А этого ко мне в сарай. И не церемоньтесь с ними.

Говорил специально для нас – по-русски, хотя между собой они по-чеченски общались.

Что такое «не церемониться», я понял сразу, получив удар прикладом в шею. Больно, сволочи, бьют. Неприятный удар. Основание черепа, бывает, ломается. Я едва-едва успел почувствовать за спиной движение и шею напрячь.

* * *

Крестик вместе с бечевкой погрузился в воду.

Я не пил ледяную воду жадно, как хотелось бы ее пить. То

есть как хотелось бы ее пить немногим раньше, когда рот и язык трескались без желаемой воды. Мне ни к чему зубная боль и боль в горле. Мне другой боли хватает. Я просто опустил лицо в воду, наслаждаясь прохладой растаявшего льда, и набирал в рот небольшие порции воды, ждал, когда вода во рту согреется, и только потом глотал. Я сделал всего десяток маленьких глотков, после которых при ходьбе не будет булькать в животе и сам живот не будет мешать наклоняться и пригибаться, если это понадобится. Жажду я утолил, зная, что это только на несколько часов, если погоня все же появится и придется побегать. Хорошо бы запас воды иметь, но ее набрать мне было просто не во что.

Я поднялся, усилием воли подавляя желание лицо в воду окунуть и напиться вдоволь. Но так сразу отяжелеешь и потеряешь силы. А я не хочу терять силы. Мне нельзя их терять. Мне выйти надо, надо до своих добраться и указать на это место.

А бандитам нельзя меня выпускать. Бандитам обязательно следует меня поймать, чтобы я не смог до своих добраться. Убить меня. Они понимают, что я представляю для них опасность. Не лично я как таковой, а как носитель информации о пленниках. Если я передам кому-то из своих эту информацию и пленники будут свободны, то тогда Авдорхану не поздоровится.

А главное, я не только спасу людей, но и сорву так тщательно продуманную Авдорханом операцию. Наверное, это

для него главное. И потому я должен дойти. Страдая от голода и жажды, но дойти до своих.

2

Ну, совсем мне такое не нравится, вот честное слово младшего сержанта.

Что, в конце-то концов, происходит? Мне даже, признаюсь, слегка обидно в этой ситуации становится. Почему погони-то нет? Должна быть погоня. Обязательно должна быть погоня, но я никого не вижу, а глаза тереть не могу, чтобы рассечение на брови не потревожить.

Я даже сел на край тропы, проходящей в этом месте через вершину скалы, и ноги свесил. Я словно специально себя, беззаботного и свободного, выставлял на всеобщее обозрение.

Смотрите, вот он – я. Я жду тех, кто готов за мной погнаться. Или вам совсем слабо раненого догнать? Ноги не ходят?

Оказалось, что у них и глаза тоже не видят. Минут десять я просидел, надеясь, что внизу появится кто-то. И – без толку. Никто не появился, никто моей персоной не интересовался. И меня очень волновало – почему.

Не было такой видимой причины, чтобы меня не пытались обнаружить и поймать. Они же наверняка знают и понимают, что у меня даже карты нет, я не знаю, куда идти.

Не знаю ни дороги, ни тропинки, ни названия населенного пункта. И потому они, местные, должны чувствовать свое превосходство и быть уверенными, что поймают. Они, местные, должны пойти по следу и постараться загнать меня в места, где пройти невозможно. Они, местные, здесь каждое ущелье знать должны, каждую тропу, каждый камень рядом с тропой.

А они не идут. Совсем, что ли, сдурели или ждут, что я спать прямо на тропе завалюсь и храпеть буду так, что эхо по всем ближайшим ущельям загуляет? Может быть, ждут, что я в дополнение сам себе ноги и руки свяжу?

Стоп. Не дуреть и не веселиться.

Обязательно веские причины должны быть. Должны быть причины их бездействия. Не может же так случиться, что они на меня просто махнули рукой, не уважая меня и не считаясь со мной. Тем более после того, как я одного из охранников убил, а второго мог убить, мог покалечить, а мог и невредимым, но напуганным до смерти отпустить~

Или он, живой и невредимый, но напуганный до смерти, меня отпустил~ Разница невелика и в том лишь состоит, что звучит по-разному с разных сторон, как обычно и случается. При этом каждая из сторон искренне верит в свою правоту.

Но в чем эта причина?

Пораскинув мозгами, я сумел предположить пока только одно: вокруг села существует некое замкнутое пространство с определенным количеством выходов, которые банди-

ты контролируют. И потому они не спешат, зная, что на один из пунктов их контроля я все равно выйду. И они правильно думают, что ни я, ни мои товарищи не могли видеть, куда нас везут. Мы, как мешки, валялись в тесном багажнике джипа «Гранд Чероки», придавливали друг друга и не имели возможности поднять голову, чтобы в окно выглянуть. Тем более не могли постоянно смотреть за стекло, чтобы запомнить дорогу. Запомнил я только одно, и запомнил хорошо: машина дважды останавливалась где-то, причем неподалеку от конечной точки назначения. Водитель и пассажиры выходили и с кем-то разговаривали. На последней остановке какой-то человек даже к машине подошел и посмотрел сквозь стекло на нас. И тоже что-то сказал. И я видел за плечом у этого человека автомат. Значит, это были посты охранения. И грузовики я там же видел, потому что наша машина останавливалась рядом с грузовиками. Сначала с одним, потом с другим. Значит, боевики на колесах~

В этот расклад не вписывался только характер горячих горцев. Им все и всегда, насколько я понимаю их натуру, надо сразу и немедленно, и в полном объеме. Ждать не любят, хотя отдельные экземпляры умеют и хладнокровием часто отличаются завидным. Но есть одно, что они никогда не желают откладывать в долгий ящик, – месть. Отомстить они желают сразу. Тогда почему же не пожелали отомстить мне, после того как я убил одного из своих охранников и, возможно, доставил неприятности другому? Должны были они

гореть желанием отомстить. Хотя бы не все, хотя бы только родственники и друзья убитого должны были за мной в погоню броситься.

Не бросились и не собираются, кажется, этого делать.

Интересно, что же там, в селе, такое происходит? Какие законы правят там? Это какое-то удельное княжество со своими границами, что ли? И со своими погранвойсками? И правит там в качестве мелкого князька толстый, лысый коротышка Авдорхан Дидигов. Разобраться с этим очень хотелось, потому что я как ни крути, а военный разведчик – так всегда говорил наш командир отряда старший лейтенант Радченков про каждого из нас, в том числе, значит, и про меня. Пусть это и звучит, может быть, слишком серьезно для младшего сержанта контрактной службы, тем не менее это так. И выходить к своим лучше все-таки, как настоящему разведчику, обладая конкретной информацией.

Но добывать информацию мне следует только после того, как я все просчитаю. Я ведь еще и поведение свое точно и конкретно не определил, поскольку побег был спонтанным. Я вообще не намеревался тогда же, сразу, убежать, хотя думал, естественно, о побеге с первых минут плена. Но я предполагал, что бежать нам удастся втроем. Как попали в плен втроем, так и убежим вместе.

То есть мы не в плен попали, мы были для чего-то похищены~

Для чего мы похищены, я узнал вскоре после того, как нас привезли в село. Не все узнал конкретно, но в общих чертах~

Ударами прикладов меня подгоняли, хотя я, честно говоря, и не плелся. Но бежать после только что завершившейся сцены с нательным крестиком, когда я заслужил свое право на уважение и одержал, как мне показалось, пусть маленькую, но победу над противником, я тоже не захотел. Мне проще было несколько ударов перенести, тем более что эти удары были не такие уж и страшные, и я спиной заранее чувствовал их и принимал меры, чтобы увечье не получить, — мышцы напрягал или чуть корпус доворачивал, чтобы удар вскользь прошел. А ситуация была классическая, многократно отработанная на тренировочных занятиях. И я мог бы в тот момент легко показать разницу между военным разведчиком и тремя бандитами, что меня вели. Двое из них прикладами, как норовистую лошадь кнутами, меня подгоняли, третий на несколько шагов отстал и автомат не перед собой нес, а под мышкой, как папку. Я дважды полуоборачивался после ударов. Вроде бы случайно это получалось, вроде бы совсем не по своей воле. Но это со стороны так казалось. Я оборачивался, чтобы обстановку оценить.

Я имел возможность всех троих уложить здесь же, не доходя до сарая, в который меня, как я слышал, повели. И

сделал бы это просто и быстро, так быстро, что они умерли бы еще до того, как поняли бы, что произошло. И до того, как подняли бы крик рассматривающие меня женщины, которые, сложив на животе руки, стояли возле калиток своих дворов. Оба любителя бить прикладами сняли с плеча ремни. Мне необходимо было только уловить момент удара, может быть, испуг перед ударом изобразить, чуть повернуться и якобы попытаться от удара увернуться, но в действительности принять такое положение, чтобы удар в самом деле прошел мимо, а сам автомат оказался бы в непосредственной близости от моих рук. Захватил, ударил противника ногой, большим пальцем опустил предохранитель – и расстреливай в свое удовольствие всех троих дураков, что ведут себя так неосторожно~

Но военный разведчик сработал во мне уже тогда. Лысый, толстый коротышка не захотел меня убивать, значит, я ему нужен. И мне хотелось узнать, зачем я нужен. К тому же, уложи я эту троицу и подними шум в центре села, сбежать было бы трудно, потому что улица длинная, вдалеке виднеется множество мужчин, и некоторые из них вооружены. Должно быть, здесь что-то намечалось, какое-то действие, и к этому действию бандиты готовились. И мы попали к ним не совсем вовремя. Выходить из села пришлось бы с боем, но не по улице, а через дворы. А почти в каждом дворе, как я видел и слышал, сидела собака. Кавказскую овчарку не всегда уложишь одной очередью. Этот зверь может и тяжело раненный

любого человека свалить. А бороться со множеством собак труднее, чем со множеством людей.

Это одна из причин, что сдерживали мое стремление к свободе.

Вторая причина была более конкретной – Вован с Серегой. Я хотел дождаться момента, когда нас объединят. Втроем мы уже представляем собой значительную силу. И втроем сможем большего добиться, нежели я один. Кроме того, я не оставил без внимания фразу коротышки. Он приказал отвести Вована с Серегой не куда-то, а «к остальным». То есть уже подразумевалось, что здесь есть и другие «кавказские пленники». Кто именно, мне хотелось узнать более точно.

Это мне было необходимо узнать точно~

* * *

Я без волнения позволил закрыть себя в сарае. Пусть закрывают, так даже лучше. И прикладом под затылок приложиться некому, да и сам сарай мне показался довольно смешным строением, сложенным из слоистых плоских камней разного размера и скрепленных обыкновенной глиной. Настроение от беглого осмотра сарая сразу поднялось. Одного удара ноги с разбега в два шага хватит – третий шаг здесь сделать было просто негде! – и я на свободе. Да и крыша была не лучше. Несколько балок, на балки просто навалены редко переплетенные сухие ветви. Подпрыгнуть, ухватиться, пару

раз дернуть – и крыша на тебя обвалится. Зато будет большая дыра, через которую нетрудно выбраться. Правда, пролом крыши или стены вызовет шум. Но если убежать сразу, то не сразу поймут, где и что зашумело. Но я убежать пока не намеревался.

Пока~ До прояснения обстановки.

До прояснения обстановки ждать пришлось долго. Уже стемнело, а я все сидел и ждал, поклевывая носом, потому что полудремотное состояние у меня не прошло даже после переживаний, вызванных пленением. Как проснулся связанный в полудреме, так в таком состоянии и пребывал. Потом ждать устал, нельзя же до бесконечности ждать – нашел в темноте ошупью три широкие необрезные доски, еще засветло отмеченные взглядом, устроил себе лежанку, чтобы не застудить спину на холодном каменистом грунте, и решил отдохнуть.

– Что там творишь, козел! – послышался голос.

Значит, рядом с сараем часовой сидит. Именно сидит, потому что звука его шагов я не слышал. И хорошо, что часовой себя вовремя обнаружил, а то вдруг мне захотелось бы погулять выйти – мог бы и на очередь нарваться.

– Не козлее тебя, – лениво возразил я, не очень, впрочем, понимая значение слова «козлее». Часовой, судя по молчанию, тоже ничего не понял. Но, кажется, надолго задумался. Это хорошо, что он такой задумчивый, задумчивого завалить проще, пока он соображает. Но пока заваливать я ни-

кого не собирался. Следовало еще с обстановкой разобраться. Откуда-то пришла уверенность, что меня обязательно с обстановкой познакомят.

Я лег на спину и задремал. Вообще-то я на спине спать не умею. Мне надо или на боку лежать, или лицом вниз, тогда я засыпаю. Но здесь сказалась, видимо, усталость, и физическая, и нервная, и я уснул почти сразу. И долго, видимо, спал, потому что, когда меня разбудил звук приближающихся шагов и металлический шелест открываемого замка, я почти выспался и мыслил уже вполне ясно.

– Выходи. Эмир зовет.

Во дворе стояла густая, словно тягучая темень, обычно сопутствующая приближению рассвета, но свет во двор узкой полоской падал из неплотно прикрытой двери дома, и потому я не спотыкался. В окнах, однако, света не проглядывалось. Но я догадался, что какое-то из окон по другую сторону дома должно все же светиться и меня, судя по всему, в дом приглашают, а не в коридор, и вовсе не для того, чтобы с хозяйкой на кровать уложить. Хорошо, если приглашают на ранний завтрак, потому что я уже сутки ничего не ел, но надежды на такую заботу со стороны бандитов было мало, и потому радужных иллюзий по этому поводу я не строил. И я шагнул вперед~

Конвоиров было двое, и оба были лопухами, только лопухами от разного корня, потому что один, тот самый, что днем мне прикладом в шею бил, ничего не боялся и шел ко мне

вплотную, второй, который старался днем своим прикладом по почкам угодить, наоборот, боялся излишне и шел в пяти шагах позади, предоставляя мне возможность с первым, в случае необходимости, быстро расправиться, а потом и за него самого приняться. А уж о том, что кто-то оставил прислоненными к перилам высокого крыльца вилы, и говорить не стоило. Дело часовых проследить, насколько безопасно идти со мной по какому-то пути. Они этот путь проследить не умели. И сделали его опасным для себя. За это следует наказывать, но мне пока не до того было. Будет время и необходимость – накажу непременно. Пока же я прошел мимо, вилы старательно «не заметив». Оба конвоира проводили меня в большой дом и вежливо постучали в дверь одной из комнат.

– Давай его сюда, – сказал по-русски знакомый голос. – И без церемоний.

Знакомая фраза сработала, как команда. На пороге я вовремя сделал шаг в сторону, и приклад пролетел мимо. Хотелось засмеяться и сделать какой-нибудь веселящий душу жест, но я сдержался. И зря, потому что сразу за этим получил награду за свою увертливость – удар кулаком в бровь – и почувствовал, что глаз заливают кровью – рассечение. Значит, можно было себя не сдерживать, поскольку результат все равно один и тот же. Конвоир бил не сильно, неумело, хотя и резко. А мне стена помешала отстраниться. Однако, ожидая повторных ударов, я все равно отодвигаться не стал.

Мне было стыдно прятаться от ударов, мне хотелось смотреть гордо. Пусть одним глазом, но обязательно гордо и с достоинством. Достоинство свое можно и с помощью одного глаза выразить. Но конвоира я все равно запомнил. Я раньше его запомнил. И это не в его пользу. Он любит слишком близко подходить. Наверное, чувствует в себе много сил. И не понимает, что пленники не всегда могут быть молчаливыми и безответными. Не встречался просто с иными. Однако всему свое время.

Лысый, пузатый коротышка сидел за столом на высоком стуле, что только подчеркивало его невысокий рост и даже было слегка смешным. Какой-то очень волосатый человек сидел за тем же столом и поигрывал опасной игрушкой – вертел в руках тяжелый «АПС»⁴ со снятым предохранителем. Словно бы в напоминание мне или в предупреждение, потому что обычно предохранитель держат в верхнем положении. Волосатый заодно демонстрировал кисти своих рук, где на внешней стороне чистого места не было – сплошь татуировки. Кто так руки себе украшает, обычно считает, что это устрашать должно. Только я знаю, что не рука с татуировкой самая страшная.

– Крещеный, крест, значит, так и не снял, – сказал коротышка, глядя на мой распахнутый ворот. Ворот у меня теперь всегда распахнут, потому что пуговицы на куртке оторваны при захвате, если можно назвать захватом связывание

⁴ «АПС» – автоматический пистолет Стечкина.

и вынос бесчувственных людей. Так нас из дома «выгружали» и пуговицы наши при этом не берегли. Хорошо, если кто-то хватится, если сообразят, где нас искать, и пуговицы армейские найдут. Тоже след, который Маликат может не заметить. Она подслеповата и очки постоянно не носит.

Коротышка, кажется, ждал ответа, а я не ответил, поскольку он меня не спрашивал, а только констатировал факт. Но причины, чтобы крест снять, я так и не увидел. Тем более что уже и прозвище получил соответствующее – Крещеный. Мне оно понравилось.

– Когда с Крещеного голову снимут, крест сам собой упадет, – заметил человек со «стечкиным» в руках. – Он очень просит, чтобы с него голову сняли. Значит, будет в числе первых десяти.

– Нет. Я в десятку никого назначать не буду, – категорично произнес коротышка. – Я полюбоваться хочу, как они выбирать будут. Сами. Понаблюдать будет очень интересно. Это будет самое интересное, что я за последние двадцать лет видел. И можешь меня не уговаривать. Ни одного не назначу.

Разговор явно для меня велся. Между собой они вполне могли бы общаться на чеченском языке, что и тому и другому, конечно же, гораздо проще. Это уже как правило. Если они – эти или другие – начинают разговаривать по-русски, значит, разговор кому-то предназначен. Между собой говорят, но страшат меня. Но у меня нервная система крепкая.

– А они друг друга не поубивают раньше времени? – спро-

сил человек с пистолетом.

– А это уж у него вот спроси, – кивнул коротышка в мою сторону.

Я вытер с века кровь. Неприятно, когда ресницы слипаются. Когда кровь чуть-чуть подсыхает, ее лучше сразу стереть, иначе потом труднее будет, потом, если перекись водорода не найдешь, ресницы вырывать придется.

– Так скажи нам, Крещеный, не переубиваете вы друг друга? – Вопрос явно ко мне относился, но это и не вопрос по сути своей был, потому что я не понимал, о чем идет речь. И они об этом лучше меня знали.

– Мы вас переубиваем, – на всякий случай пообещал я, хотя прекрасно понимал, что бессмысленно выдавать желаемое за действительное, и даже ясно осознавал, что за такое мнение, высказанное вслух, можно получить.

Удар я видел, но видел и то, как он наносится. И потому даже уклоняться или ставить блок не стал. Не такой это удар, чтобы им меня с ног сбить. Теперь сразу почувствовалось, как распухла губа, и язык ощутил вкус крови. Но и это часовому зачтется. Памятью меня бог не обидел. Но я буду бить только один раз, как меня учили~

– Такое мы много раз слышали, – засмеялся коротышка и пригладил ладонью лысину, как родители детей гладят, похваливая за хорошее поведение. Свою лысину он, похоже, сильно любит.

– Он не понимает, о чем мы говорим, – сказал волосатый

человек с «АПС».

– Я могу и объяснить. Я не постесняюсь объяснить.

Коротышка вдруг обозлился на что-то, спрыгнул с табурета и стремительно прошелся по комнате. Потом остановился рядом со мной.

– Ты меня знаешь, Крещеный?

– Нет, – ответил я коротко и тут же получил новый удар от конвоира.

Интересно, если бы я сказал, что знаю, меня ударили бы или нет?

– Я – Авдорхан Дидигов.

Я плечами пожал и чуть-чуть выставил вперед плечо, принимая на него следующий неуклюжий удар. А что я мог сказать, если мне и имя тоже ничего не говорит.

Авдорхан Дидигов вернулся за стол. Чуть-чуть успокоился, хотя, очевидно, расстроился, что его имя не произвело на меня абсолютно никакого впечатления. Он, видимо, считал, что достоин большего и весь спецназ от этого имени дрожать должен.

– Может быть, про моего младшего брата слышал – про Ризвана Дидигова?

– Нет. Не слышал.

– А зря, – психанул Авдорхан. – Его ваши «повязали». Посадить хотят. А я не хочу. Имею я право не хотеть, чтобы моего младшего брата посадили?

Он точно у меня спрашивал, будто я суд. Наверное, просто

адресом ошибся, но я на всякий случай ответил:

– Хотеть не вредно.

И тут же присел, потому что кулак конвойного летел мне прямо в нос. Я посчитал, что нос стоит побережь, а вот стенку не обязательно. Туда кулак и угодил, и только присутствие Авдорхана, как мне показалось, заставило конвойного не схватиться за кулак второй рукой и не взвыть. Мог бы и пальцы себе сломать таким неуклюжим ударом. Хотя, может быть, даже и сломал.

– И, чтобы его не посадили, я, Крещеный, свои меры принимаю, – продолжал старший из братьев Дидиговых. – Вы его захватили. Спецназ ГРУ. Вам его и выручать. У меня уже есть одиннадцать человек пленных~ Все из спецназа ГРУ. Это вместе с тобой. Но я тридцать солдат захвачу. Вас легко захватывать, вы водку любите. Потом я маленький концерт устрою. Я заставлю вас самих выбрать десятерых, которых я расстреляю. Отведу десятерых к дороге, где много машин, и там расстреляю. А вы выберете из своего числа десятерых. Каждый будет выбирать. А я смотреть на это буду. Десять солдат – это вашему командованию урок, чтобы сговорчивее были. Машины поедут, расстрелянных найдут. А двадцать оставшихся я отпущу, как только мой младший брат будет на свободе и позвонит мне. Если за десять дней его не освободят, я еще десять солдат к дороге отправлю. Опять вы выбирать будете. Офицеры мне не нужны. Мне нужны только солдаты. Пусть потом офицеры матерям письма пишут~

Что они написать смогут? Что не смогли их сыновей спасти? Один раз напишут, больше не захочется. Стыдно и больно им будет. Не смогли спасти, не уберegli. А сейчас пока мне стыдно, что я брата не уберег. Но я его спасу. Пусть и ваши вас спасают.

Зевнув, я спросил:

– Зачем ты меня сюда привел? Если желаешь глупости свои высказать, можешь их своим высказывать, – я кивнул на конвойного. – Они дураки и не понимают, что в спецназе ГРУ нет тюрем и арестованных сразу после задержания передают в прокуратуру. Так что спецназ спасти твоего брата не сможет.

– А мне плевать. Пусть действуют, как хотят. Пусть на тюрьму нападают, переоденутся в гражданское и нападут, пусть отбивают. Если хотят хотя бы двадцать солдат спасти. А десять обречены. Я хотел бы видеть тебя в десятке. Но не я десятку назначаю. Вы сами выбирать будете. А я буду смеяться.

Я промолчал.

– А позвал я тебя вот для чего. Ты, Крещеный, парень, как мне показалось, неглупый, и голова у тебя, кажется, работает. И если не хочешь, чтобы кто-то на тебя пальцем показал, когда будут десять обреченных выбирать, должен мне помочь. Тогда ты в состав группы риска не попадешь. Я тебя отдельно держать буду.

– И чего ты от меня хочешь? – все же любопытствовал

я, заранее зная, что не соглашусь ни на какое предложение.

– У меня только одиннадцать спецназовцев отдыхает. Мне еще девятнадцать надо. Надо заманить, как ты двоих уже заманил.

– Я никого не заманивал, – сказал я твердо.

– Неважно. Твое командование уже знает, что это ты их заманил, умышленно. Знает, что ты продал их и деньги за них получил. И даже перевод отправил домой. Мы от твоего имени отправили. У тебя обратной дороги нет. Но мне еще девятнадцать солдат нужны.

Коротышка, похоже, очень рассчитывал на силу своих не слишком для меня веских аргументов. Он подумал, что создал для меня безвыходную ситуацию. Но я-то знал, что поверят не ему, а мне. Слова бандита останутся только словами, и не более того. Бездоказательными словами. А мне поверят те, кто меня знает~

Выражение моего лица, кажется, уже показало ему бесполезность его затеи. По крайней мере, физиономия у коротышки вытянулась заранее.

– Даже не надейся, – все же сказал я, ожидая нового удара, но после соприкосновения со стеной рука у конвойного, наверное, побаливала.

Авдорхан закрыл глаза и какое-то время сидел молча.

– Уведите его, – сказал он наконец. – Отправьте к остальным. Крещеный крест свой нести желает. Пусть несет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пышноусый старший лейтенант Радченков рядом с бритоголовым подполковником Волкотрубом своей непривычной простому армейскому взгляду нестандартностью создавали впечатление какого-то арт-спецназа. По крайней мере, именно так охарактеризовал эту пару заместитель командира бригады спецназа ГРУ подполковник Владимиров, отправлявший группу своих парней вместе с «краповыми беретами» в рейд.

– У меня слово «арт» всегда связывается с чем-то нехорошим, неестественным, – сдержанно сказал Волкотруб. – Мы лучше без этого обойдемся и будем настоящими, потому что нам предстоит всерьез выполнять серьезные задачи~ Без представлений. Я вообще с детства цирк не любил, мне было жалко измученных животных и было противно смотреть на глупых кривляк-клоунов.

– Я соглашусь, товарищ подполковник, с товарищем подполковником. – Вячеслав, каламбурия, пошевелил усом, как бы желая таким образом подтвердить сказанное. – Нам никого разыгрывать не надо.

Задача «краповых» спецназовцам ГРУ была неизвестна,

Волкотруб ее не афишировал, а Радченков с Владимиром вопросов не задавали. Но и те и другие спецназовцы привыкли считать свои дела серьезными и имели для этого все основания.

Собственную машину спецназу ГРУ подполковник Владимир все же выхлопотал. На тот вероятный случай, если придется изменить свой маршрут и отделиться от «краповых» для преследования собственных интересов. Но подполковник Волкотруб все же и эту машину, слегка по-хамски, потому чтоничего разрешения спросить не пожелал, использовал, загрузив ее для своих нужд двумя «подносами»⁵ и четырьмя ящиками с минами. Минометы – еще ладно, а мины – груз не слишком приятный. Но пришлось молча согласиться, чтобы не конфликтовать в начале предстоящих дел.

Выехали в ночь в сопровождении боевой машины пехоты и двух бронетранспортеров. Если боевую машину пехоты выделили именно в сопровождение, то БТРы у «краповых» имелись собственные, и они вполне были в состоянии осуществлять прикрытие колонны из пяти грузовиков, один из которых принадлежал спецназу ГРУ, один вез запасы продовольствия и боеприпасы, а три машины были загружены бойцами спецназа внутренних войск.

Конечно, краповые береты носили не все в отряде. Кра-

⁵ «Поднос» – 82-миллиметровый миномет 2Б14-1. Стандартный миномет в Российских Вооруженных силах.

повый берет – это признанный знак отличия, и, чтобы получить его, следует очень и очень отличиться на службе и, кроме того, сдать серьезные экзамены. Но в обиходе весь спецназ внутренних войск называли «краповыми» потому, что именно носители краповых беретов задавали в подразделении боевой тон и дух.

Первоначальный пункт назначения был давно уже известен – тот самый полевой лагерь, где стояли недавно спецназовцы ГРУ и где все началось. Сейчас лагерь занят другими частями, но тем не менее место там для всех найдется. В крайнем случае можно будет поставить дополнительные палатки, которые даже с собой везти необходимости не было, поскольку они имелись на лагерьном складе.

Прошло уже то время, когда ночные пробеги автоколонн являлись опасной операцией. Сейчас днем порой ехать опаснее, чем ночью. А такой большой колонной, да еще с мощным прикрытием, вообще можно было ехать спокойно. По ночам бандиты уже не устраивали засады на дорогах. Если на дорогу и выходили, то только для того, чтобы фугас установить. Но это вблизи больших городов. А от большого города колонна отдалялась стремительно. Окрестности просматривались не только в свете фар, но и с помощью приборов ночного видения, которыми были оснащены и бронетранспортеры, и боевая машина пехоты. В трех местах командир отряда «краповых» на всякий случай приказал обстрелять подозрительные кусты. Если там и был кто-то, то после нескольких

пулеметных очередей наверняка в живых не остался.

Почти через пять часов подполковник Волкотруб, занявший место в головном бронетранспортере, сообщил всем по переговорному устройству:

– Подъезжаем. Впереди шлагбаум.

Чтобы попасть в палаточный городок, в само село въезжать надобности не было.

* * *

Спецназ ГРУ нашел свои недавно оставленные палатки еще не занятыми и, договорившись с комендантом, устроился быстро, тогда как спецназ внутренних войск до утра занимался обустройством на новом месте. Старший лейтенант Радченков вместе со старшим лейтенантом Скорняковым заняли свою офицерскую палатку и взяли к себе на подселение старшего прапорщика Валерия Страшкова, снайпера группы, и прапорщика Юрия Лавренца, опытного минера, специалиста по хитрым минным ловушкам.

До утра время еще было, и Радченков приказал всем отдыхать, поставив на всякий случай время подъема на будильнике своего мобильного, хотя сам знал, что это лишнее, потому что и он, и тот же Женя Скорняков без всяких будильников проснутся вовремя, сколько бы ни выделили себе на сон. Будет время выспаться за четыре часа, они выспятся за четыре, будет необходимость выспаться за пятнадцать минут, они и

через пятнадцать минут проснутся. Так уж запрограммирован у каждого офицера спецназа организм, что подсознание с армейской дисциплинированностью выполняет любые команды.

Но разбудил Вячеслава не будильник трубки, а подполковник Волкотруб, пришедший за пятнадцать минут до назначенного подъема вместе с младшим лейтенантом милиции. Радченков проснулся сразу, как только услышал свою фамилию. И сразу вышел из палатки, потому что спал из экономии времени почти не раздевшись, хотя «разгрузку» и бронежилет все же снял и разулся, чтобы ноги отдохали.

– Вы знакомы? – спросил Волкотруб. – Ко мне прислали младшего лейтенанта Хамидова, поскольку о вашем возвращении его не предупредили.

– Так точно, товарищ подполковник, – сказал старший лейтенант. – Имели удовольствие контактировать. И еще контактировать, наверное, придется много раз, поскольку мы вернулись. Что нового расскажешь, Хамзат?

Младший лейтенант протянул руку для пожатия.

– Нашел я женщину, к которой ходил младший сержант Кадочников.

У Хамзата Хамидова акцент был такой сильный, что в его русскую речь приходилось внимательно вслушиваться, чтобы понять смысл слов, хотя слова вроде бы фонетически произносились правильно.

– Это хорошо, только было бы намного лучше, если бы

ты мне нашел самого Кадочникова и двух других ребят. Но пока и за женщину спасибо. Что она говорит?

– Не могу знать. Мне только вчера вечером сказали точно. Я до этого подозревал, что Кадочников к ней ходил, пару раз к ней заглядывал, говорил о жизни, но напрямую не спрашивал, чтобы не обидеть. Людей и без того много обижают. А вчера вечером мне сказали точно.

– Что за женщина? – поинтересовался подполковник.

– Маликат Абуева. Молодая вдова. Имеет четырехлетнюю дочь. Муж убит во время антитеррористической операции в Ингушетии. Отец мужа. Как это по-русски.

– Свекор, – подсказал Волкотруб.

– Да. Свекор. Он пропал без вести. Неофициально.

– Это как? – не понял Вячеслав. – Новая какая-то формулировка. Неофициально пропасть без вести. Не понимаю, объясни.

– Семья не заявляла о пропаже. Потому я и говорю – неофициально пропал. Был в боевиках, как все. Отряд вместе с эмиром оружие сложил. Его в отряде в момент сдачи не было. Никто не знает, когда он ушел и куда ушел. Просто ушел куда-то. Говорят, прямо на марше ушел. Он и еще несколько человек. И больше их не видели.

– Значит, есть подозрения~ – начал было задавать вопрос старший лейтенант.

– Нет. Это я в виде общей характеристики самой Маликат Абуевой и ее окружения говорю. Окружения со стороны

мужа. Там какая-то темная история есть, но у меня нет возможности с этой историей разобраться. Но эта информация уже создает общий фон. Как это сказать по-русски~

– Психологический микроклимат, – подсказал Вячеслав.

– Да. Это самое.

– Я так понимаю, что сначала рассказывают не самое интересное, а самое интересное всегда напоследок припасают, – заметил подполковник Волкотруб. – Что ты нам припас про окружение Маликат Абуевой с другой стороны?

– Со стороны ее непосредственной родни. По крови.

– В трудном положении ее семья. Отец Маликат тоже воевал, остался без рук по локоть. Взрывом оторвало руки и лицо изуродовало. Один глаз выбило, второй почти не видит. Отцу и пятидесяти лет нет, пенсию ему, конечно, никто не платит. Живут с матерью на то, что родственники принесут. Трое сыновей, братьев Маликат, погибли. Не на войне. Они не воевали. Один на зоне, двое в каких-то разборках. В Екатеринбурге жили. С местными не ладили. Криминал.

– Не очень понял я, что здесь особо интересного. Напоследок, так сказать, – заметил старший лейтенант Радченков.

– Но есть еще два брата, двоюродные, – продолжил милиционер. – Авдорхан и Ризван Дидиговы. Одного не так давно арестовали. Сейчас под следствием. Статья – за терроризм. По-крупному пойдет. Второй, старший брат, на свободе~ Официально в бандитах не числится, но, по слухам, близок к ним и у себя в селе пользуется авторитетом. Не лич-

ным, а из-за связей. Ну, и капитал имеет солидный. С бензином связан, с автозаправками, а это всегда большие наличные деньги. Ходят слухи, что через него крутятся деньги кого-то, кто из бывших верхов, кто сейчас за границей осел и домой носа показать не может – руки по локоть в крови. У нас много таких, кто с чужими деньгами работает~ Но и не это еще самое интересное. Самое интересное в том, что Авдорхан Дидигов, по нашим сведениям, недавно хвастался, что скоро освободит брата~ А брата захватил как раз спецназ ГРУ.

– Ты предполагаешь~ – начал было полковник Волкотруб.

– Я пока ничего не предполагаю, товарищ подполковник.

Предполагать я буду только тогда, когда у меня появятся конкретные прямые улики. Пока я нашел косвенные. Даже не улики, а факты, которые только дают почву для размышления, но не более того. И хотел вас пригласить посетить Маликат. Но раз Вячеслав приехал, ему, наверное, и идти со мной.

– Я пойду~ – сказал старший лейтенант. – Конечно~

– Я тоже, – решил подполковник Волкотруб. – Только сначала позвоню подполковнику Жданову из ФСБ. Мы переданы в его подчинение. Жданов должен вот-вот приехать. По крайней мере в течение часа должен быть здесь. Это дело тоже в его ведении.

Чем Вячеславу Радченкову нравились улицы чеченских сел, так это отсутствием мусора на них. Здесь улицы были чистыми, хотя он ни разу не видел на этих улицах дворников с метлой. Но чисто бывает не там, как знал старший лейтенант, где часто убирают, а там, где не мусорят. Чеченцы за своим жильем следили.

На улице незнакомые люди посматривали на военных и милиционера косо, но все же здоровались, хотя и неприветливо. Может быть, здоровались как раз с младшим лейтенантом милиции, но и офицеры спецназа отвечали на приветствие так, словно к ним обращались. На Востоке люди вообще приветливы и гостеприимны, и только многолетняя война нарушила древние традиции.

Дом Маликат Абуевой ничем практически не отличался от других одноэтажных домов села. Ну, может быть, отличался от солидных, старых, где большие семьи живут, и от не менее солидных двухэтажных тоже, естественно, отличался. Но не все же большие семьи в состоянии двухэтажный дом себе построить. А здесь муж Маликат не успел при жизни даже серьезным хозяйством обзавестись, а без мужа хозяйство заводить оказалось некому.

Маликат увидела гостей, наверное, в окно, когда они в калитку входили. Вышла на крыльцо встретить и стояла на по-

роге, прямо посреди дверного проема, словно не желала в дом пускать. Во дворе на высокой скамейке сидела девочка, дочь Маликат, болтала ногами, не доставая ими до земли, и сама этими движениями любовалась.

– Здесь разговаривать будем? – специально по-русски, чтобы сразу задать тон разговору, и довольно строго, спросил младший лейтенант милиции и оглянулся на местных жителей, что с улицы смотрели, к кому пожаловали военные с милиционером. Сельчане народ любопытный, поскольку событий в селе происходит мало, и все, что происходит, становится предметом долгого общего обсуждения.

– О чем разговаривать, Хамзат? Что вам от меня надо? – И ее голос звучал неприветливо.

– О младшем сержанте Денисе Кадочникове. Поговорим? Пауза длилась недолго. Должно быть, женщина первоначально была готова сказать, что не знает такого, потом поняла, что к ней пришли не просто так, раз пришли, то знают про Кадочникова, и передумала.

– Заходите. – Маликат пропустила гостей в дом неохотно, но ей явно не хотелось, чтобы соседи наблюдали за разговором. – Я сегодня болею, и потому говорите быстрее.

– Что с тобой? – спросил Хамзат.

Вдова провела гостей через веранду сразу на кухню, имеющую две двери – вторая вела внутрь дома. На кухне пахло подгорелым. Сковорода в раковине под струей воды показывала, что у хозяйки забот хватало и без гостей.

– Давление высокое. Вчера соседка тетка Мадина мерила, очень, говорит, высокое. Лежать велела. Она же фельдшер, знает. Чай будете?

– Нет, не будем, – не слишком вежливо заявил старший лейтенант Радченков. – Мы не для того сюда пришли. И давление у вас после нашего визита еще больше поднимется.

– Что от давления принимаете? – спросил подполковник с сочувствием.

– Не знаю. Мне принесли что-то, – махнула женщина рукой в сторону комнаты. – Таблетки какие-то.

– Я тоже временами с давлением не дружу, – признался Волкотруб. – Тоже жена таблетками кормит. Покажите, что у вас.

Маликат, однако, не в комнату прошла, а выдвинула ящик кухонного стола и поставила перед подполковником небольшой круглый пузырек.

– Клофелин, – с удовлетворением отметил Александр Гаврилович. – Что и требовалось доказать. И пузырек почти пустой. Много потребляете.

– Я давно лечусь.

– А сколько таблеток на бутылку водки клали?

– Что? – вскрикнула Маликат.

– Переживаете много. Нервы. Вас понять можно, – совсем другим голосом, сурово, слегка пугающе сказал подполковник Волкотруб. – Статья вам грозит серьезная, если сядете, дочь, конечно, больше никогда не увидите, потому что по-

сле суда вас наверняка лишат родительских прав и ребенка в приют отправят. Похищение людей, тем более похищение военнослужащих, приравнивается к статье о терроризме. На вашем месте любая женщина начала бы переживать. А от переживания давление всегда скачет. Но на зоне, смею вас успокоить, тоже есть лазарет, там подлечат. И даже уже в следственном изоляторе подлечат.

Маликат побледнела и отступила к окну, за которым ее дочь было видно. Но на дочь не оглянулась, только кисти рук на животе скрестила и сжала их так, что суставы громко хрустнули.

– Вы о чем?

И смотрела женщина при этом не на самого подполковника, а на его светящуюся Звезду Героя России, словно эта Звезда давала Волкотрубку такой высокий авторитет, что он был в состоянии предвидеть и предсказать решение судьбы женщины, минуя следствие и суд, что он был наделен полномочиями эту судьбу решать.

– Вы уже поняли, о чем будет разговор, когда пригласили нас в дом. Вопрос только один. Где находится ваш друг младший сержант Кадочников и его друзья рядовые Ласточкин и Игнатьев?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Маликат дрожащей рукой придвинула себе стул и села. Ей очень хотелось выглядеть уверенной, потому что уверенность, как женщине казалось, будет подтверждением ее

невинности, и, для того чтобы увереннее выглядеть, она даже попыталась ногу на ногу забросить, но и секунды просидеть в такой позе не смогла. И боялась смотреть в глаза пришедшим.

Оба спецназовца легко читали ее поведение. Наверное, и милиционер обратил внимание на нервозность. Будь Маликат городской жительницей, она бы сейчас еще и закурила, даже если бы была некурящей. Только ради того, чтобы свою уверенность показать.

– Это ваши проблемы – понимать или не понимать, – сказал Волкотруб. – Мы знаем свою задачу и будем выполнять ее в том объеме, в котором будет необходимо. Я рекомендую вам подумать и ответить нам. Если вы не дадите вразумительного ответа, мы вынуждены будем вас задержать. Подумайте в этом случае сразу, с кем можно оставить на время вашего задержания дочь. Отправлять ее в приют без решения суда мы не имеем права.

И старший лейтенант, и особенно младший лейтенант, в силу своего более тесного знакомства с законами, видели, как блефует подполковник, и вполне понимали его. Но Маликат Абуева ни законов не знала, ни степени власти человека со Звездой Героя на груди не знала. И потому терялась все больше.

– Я еще раз повторяю вопрос. Сколько таблеток вы клали в бутылку водки? – Волкотруб умышленно не стал спрашивать, что знает Маликат о младшем сержанте Кадочникове и

рядовых Ласточкине и Игнатъеве. Молчание по этому поводу уже как бы показывало, что похищение солдат доказано и теперь важно было узнать другое. – Это не праздный вопрос. Если переложить на несколько таблеток больше, чем следовало бы, человек может никогда не проснуться. Сколько таблеток?

Маликат молчала. И по ее беспокойным глазам видно было, что она может вскоре созреть до признания. Только по одному тому, как она нервничала, можно было это определить. Значит, пора было дожимать.

– Вы подумали, кому можно оставить дочь?

– Я сестре позвоню, – тихо сказала Маликат.

– Тогда собирайтесь. Младший лейтенант доставит вас к офицеру ФСБ, который будет проводить официальный допрос. Хамзат~

– Я отведу. Товарищ подполковник, Жданов приехал?

Александр Гаврилович глянул на часы.

– Должен был приехать пятнадцать минут назад. Мы будем у него. Устрой ребенка и приводи Маликат. Всем можно не показывать, что она задержана. Наручники не надевай. Маликат, звоните сестре. Вячеслав, пойдём. Нам надо поговорить со Ждановым.

* * *

– Может быть, товарищ подполковник, нам следовало с

младшим лейтенантом остаться? – предположил Вячеслав. – Честно говоря, я чеченцам не слишком верю, даже если они и менты.

– Нам следует принять меры, потом договориться с подполковником Ждановым, а потом уже включаться в активную работу. Ты со Ждановым знаком?

– Беседовали сразу после возвращения отряда в Ханкалу. Десять минут разговора.

– Деловой опер. Старший опер то есть. Он из Чечни не вылезает. В бессрочной командировке здесь. Просится домой, а его не пускают.

– Незаменим?

– Почти.

– Ладно. Что мы делать будем?

– Подготовим группы. Предупредим посты. Потом попросим Жданова отпустить Маликат после допроса.

– Отпустить?

– Под «подписку о невыезде».

– Понял. Обязательно попытается уйти.

– Обязательно. Скорее всего, на машине. Будет звонить, кто-то за ней приедет. Этот человек будет иметь непосредственное отношение к похищению. Машина, как я предполагаю, приедет со стороны. Посты задержат ее до выяснения и предупредят нас. Здесь немного машин ходит. Пусть хоть все машины задерживают. Мы успеем подготовиться к захвату.

– А если выпустить и отследить, куда поедут?

– Поедет. Маликат наверняка не повезут. Ее просто убьют, как важного свидетеля. А она нам еще может стодиться. Она готова к разговору по душам.

* * *

Подполковник Жданов согласился с планом спецназовцев. Дело осталось за малым. Дождаться Маликат, поговорить с ней предельно жестко, так жестко, чтобы напугать до опасного повышения давления, и отпустить. И снова ждать.

Но ждать начали раньше. Младшему лейтенанту Хамзату Хамидову давно пора было привести задержанную, однако их все не было. Глянув на часы, подполковник Жданов выглянул в окно и покачал головой.

– Долго что-то.

– Ребенка устроить не могут, – предположил Радченков. – Разрешите, я съезжу за ними?

– Мою машину возьмите, – предложил Жданов. – «Уазик». Внизу стоит. Я скажу водителю.

Подполковник распахнул окно и отыскал водителя взглядом.

– Анзор! Со старшим лейтенантом поедешь.

Старший лейтенант Радченков, в отличие от младшего лейтенанта Хамидова, не заставил себя ждать и уже вскоре позвонил на мобильник подполковнику Волкотрубку:

– Товарищ подполковник. Здесь они. В доме. И Маликат и Хамзат. Оба убиты выстрелом в голову. Девочка так и сидит во дворе, ничего не подозревая. Потому делаю вывод, что стреляли из пистолета с глушителем. На полу две гильзы, калибр 7,65. Похоже, от «вальтера». – Голос у Вячеслава был необычайно низкий, настолько низкий, что Волкотруб не сразу узнал его. И, только когда узнал, когда переварил сказанное, ответил:

– Мы выезжаем. Жди на месте. Девочку в дом не впускай. И смотри, чтобы ее не увели. Девочка может знать, кто был в доме во время нашего визита.

2

Первоначальные сведения я получил. То есть своего добился, и мне теперь было что доложить по возвращении, хотя ситуация возникла такая, что сам эмир надеялся, что у меня не возникнет мысли о возвращении. Конечно, вида я не подал, но в голову, как Авдорхан Дидигов и надеялся, запали его слова о том, что я заманил и продал своих друзей.

Конечно, и мои командиры, даже если Дидигов передаст каким-то образом информацию командованию, не поверят в нее. И никакой перевод денег домой ничего не докажет. Но на душе все равно кошки скребли, потому что пусть маленькая, но доля правды в этом была. Я втравил парней в эту историю, и никто другой. Я позвал их с собой. До этого уже неделю сам навевался по ночам к молодой вдове Маликат. А она уже несколько раз предлагала привести двух подруг, таких же молодых вдов, которым без мужской ласки трудно прожить. И я ее уговорам поддался, Вована с Серегой подбил. Уговаривать, конечно, долго не нужно было, сами хотели. И пошли. И подруги Маликат им понравились. И водка странной на вкус не показалась, хотя все мы были малопьющими. Не знаю, что там подмешали в водку. Мы очнулись, когда нас уже в машину загрузили и повезли. Откуда-то выплыло слово «клофелин». Только потом я вспомнил, что видел пузырек клофелина у Маликат. Пузырек, а в нем таблетки. Она часто жаловалась на головную боль. Что-то у нее не по возрасту с давлением было не в порядке. И жаловалась.

Так вот мы все вместе и попались. На «живца» поймали.

В итоге все трое в плену. Но если я втравил своих парней в это дело, мне же и выручать их, как старшему и более опытному.

К выходу меня снова направили привычным ударом приклада. Я уже научился голову чуть-чуть поворачивать, тогда удар на себя принимали мышцы шеи, а они у меня крепкие. Тем не менее несколько раз вскользь было задето и основание черепа. Это вообще болезненное и хрупкое место. Но в целом я череп уберег.

Коридор показался бесконечно длинным, а шаги к входной двери неприлично короткими и неторопливыми. Я знал, что дорога к свободе всегда кажется длинной, но я хотел идти именно к свободе, каким бы долгим и сложным этот путь ни оказался. И выдержки у меня хватило, чтобы не показать своих мыслей и не выдать себя даже взглядом. Я не торопился, я никак не показывал своей готовности к бунту, а, напротив, демонстрировал некоторый испуг перед ударом приклада, всегда готовым обрушиться на меня сзади. Но шел я тем не менее твердо.

К цели шел, уже продумав все свои действия.

Я узнал, что хотел. Теперь меня уже ничто не держало здесь, кроме естественного желания выручить остальных десятерых солдат, и в первую очередь двух своих товарищей. Но если меня отведут к ним, догадался я, то там должна быть серьезная охрана, и, как мне думалось, оттуда невозможно было совершить побег, иначе десятерых парней из спецназа

ГРУ в заточении не удержать бы. Слишком хорошая у них подготовка, чтобы можно было их удержать, не предприняв особых мер предосторожности, и слишком много знали об этой подготовке бандиты. Значит, мне нет и смысла присоединиться к ним, и больше пользы от меня будет, если я останусь на свободе.

Я удивлялся, что по отношению ко мне проявляется беспечность, но потом понял, что эти два парня, что меня охраняют, не беспечны – они просто не умеют охранять иначе. Это я могу оценить их работу со своей точки зрения. Они же ее оценивали со своей, видимо, высоко. Они слишком верили в свою силу. Не в силу каждого отдельного человека, а в силу своей группы, взявшей в руки автоматы. С автоматом, да и с пистолетом тоже, да и с ножом даже, каждый человек чувствует себя сильнее. А тот, кто не проверил себя, не умеет правильно оценить свои способности. Когда в Чечне шли активные боевые действия, этим парням, моим конвойным, лет было еще слишком мало, чтобы участвовать в них. И боевого опыта они не приобрели. Возможно, они имели уже бандитский опыт или опыт расправ над теми, кто не мог оказать или достойного сопротивления, или сопротивления вообще. И глупо почувствовали себя всемогущими.

Моя задача простая – убедить их в ошибочности этого мнения. И чтобы убедить, не надо прилагать слишком много усилий. Я уже все просчитал. Лишь бы не забрел кто-то под конец ночи во двор и не взял от крыльца вилы. Но пусть

и вил на месте не окажется. Я все равно сумею справиться. Я сумею найти удобный момент, потому что доморощенные конвоиры эти моменты предоставляют на каждом шагу.

* * *

Один конвоир, осторожный, быстро спустился с крыльца и куда-то в темноту заспешил. Второй спросил его что-то почеченски, первый ответил не оборачиваясь, но я, естественно, смог уловить только интонацию. А интонация говорила довольно ясно – меня не собирались снова в сарай закрывать. Меня собирались «к остальным» отправить. Остальные содержались не в этом дворе. Идти, возможно, было долго. И перед уходом первый конвоир хотел что-то с собой захватить. Что-то такое, что он не хотел оставлять надолго без пригляда.

Моя задача, таким образом, упростилась предельно. Я шагнул на крыльцо, спустился на две ступеньки, остановился и пошевелил плечами, разминая их. При этом точно рассчитал время, надобное конвоиру для замаха прикладом. Я уже столько раз просчитывал этот замах, что не мог ошибиться. Сейчас, оставшись временно один и, со своей стороны, завершая мой безрезультатный разговор с Авдорханом Дидиговым, он наверняка постарается ударить сильнее. Это будет его выброс энергии, его месть еще и за разбитую о стену руку.

Я не ошибся и вовремя убрал не только шею, но и корпус, то есть к перилам прижался. Конвоир в самом деле желал ударить сильно, даже шагнув при этом. Таким ударом можно было бы с крыльца сбить, попади он точно. Но приклад прошёл мимо, а сам конвоир едва сумел на крыльце устоять. Но успел устоять только на секунду, потому что я развернулся на триста шестьдесят градусов и легким ударом помог ему с крыльца слететь вслед за автоматом. Но нога моя все еще перекрывала крыльцо, он о ногу споткнулся и упал лицом вниз. И тут же я, довершив разворот, подался по инерции вперед, как раз туда, куда намеревался податься, захватил в руки черенок вил, перепрыгнул оставшиеся четыре ступени, оказался на плечах бандита и нанес удар вилами. Точно так же, как он бил, – в шею, пригвоздив бездарного конвоира к положенной перед крыльцом широкой доске.

Автомат я поднял вовремя. Как раз к тому моменту, когда появился второй конвоир, который в лучах света, струящегося из-за неприкрытой двери, все, к страху своему, увидел. Очередь раздалась тоже не сразу – реакция у стрелка плохая. А я уже начал двигаться. Пуля чиркнула меня по бедру, потом другие пули ударили в основание дома, выбивая из камней фундамента искры. Я дал ответную очередь, не прицеливаясь, наобум, с одной руки только в направлении стрелка, результатом своей очереди посчитал интересоваться лишним и побежал – и больше в меня не стреляли.

Невысокий, только чуть выше уровня пояса взрослого че-

ловека каменный заборчик, отделяющий двор от огорода, я просто перепрыгнул, не касаясь его. Но дальше бежал уже не так быстро, потому что преследования сразу организовано не было, а в огородах, где и грядки, и растения становятся препятствием, ногу подвернуть легко. Этого мне вовсе не хотелось. Я бежал, не радуясь даже, что так легко сумел вырваться, потому что сделать это было так просто.

Огороды друг от друга отделялись тоже маленькими каменными заборчиками. Камень здесь, как и везде на Кавказе, – основной строительный материал, к тому же, как я понимаю, для сельских жителей вообще бесплатный, и его используют везде и всюду. Чужие огороды тоже преградой для меня не стали, там тоже никто не рвался побежать за мной, никто не пытался стрелять, только в некоторых дворах басисто и яростно лаяли собаки, но они в селе на цепях сидят и потому опасность представляют только в самом дворе, почему я и выбрал путь через огороды.

Когда меня в светлое время проводили под конвоем по селу, я не старался специально определить ориентиры. Но направление я все же запомнил автоматически. И сейчас я выбрал направление к северному выезду. Непроизвольно, только потому, что меня привезли с той стороны. Я бежал, не задыхаясь, чувствуя только легкое неудобство и дискомфорт в ноге, но совсем не боль, и даже не смог сразу определить характер неудобства. И, только покинув село, спустившись к дороге через последний, самый высокий забор из всех, кото-

рые мне пришлось преодолеть, я понял, что штанина у меня к ноге прилипает от крови и в башмаке начинает хлюпать. Там тоже кровь.

И только тогда я сорвал несколько листьев с первого же попавшегося мне куста, разжевал их и приложил к ране. И в первый раз попытался оторвать левый рукав. Левый, потому что отрывать его легче правой рукой. Хотя я и стреляю, как левша, но правая рука у меня сильнее.

Оставив неудачную попытку за невозможностью сделать дело второпях, я осмотрелся и прислушался. В селе уже во многих домах зажглись окна. И слышались многие голоса. Потом женский то ли визг, то ли вопль раздался. Долгий и безысходный, радующий мою душу – не зря старался, отвечая адекватно. Мне пытались много раз прикладом шею отбить, я скромно ответил только раз. За неимением приклада – простым и доступным оружием, подвернувшимся под руку. Потом крик повторился. Так хищная птица кричит, когда промахнется в атаке и остается без добычи. Густой предутренний сумрак хорошо доносил звуки.

Похоже, погоня состоится. Люди собираются в толпу, ругают, подонки, естественно, не кого-то, кто все это устроил, а только меня, вся вина которого заключается в том, что я не пожелал быть их жертвой. И это значит, сейчас начнется и охота на беглеца, и не понимают охотники, что женский вопль еще много раз повторится, потому что я просто так сидеть и смотреть на них не собираюсь и руки у меня не кус-

ком хлеба с овечьим сыром заняты, а автоматом, хотя хлеб и сыр мне не помешали бы.

Пора набирать скорость, как и прилично делать беглецу. По дороге бежать – глупо. На машине сразу догонят. Вот-вот рассвет начнется, беглеца далеко будет видно.

Бежать можно только там, где машина не пройдет. Пусть там и увидят, но пусть еще догонят и приблизятся, когда у меня в руках автомат. Нет здесь таких спецов, которые в состоянии будут меня выследить и поймать, не понеся потерь~ Причем больших потерь. Судя по тому, какие были у меня конвойные, и другие бандиты должны быть не лучше. Если и есть кто-то лучше, то они заняты на охране остальных пленников, иначе остальные тоже вырвались бы. И тоже с большими потерями для бандитов.

Днем я видел склон горы. Склон неровный, состоящий из террас. И тропа, помнится, серпантинном поднималась. И по террасам, вытянувшись вдоль склона, полосы «зеленки». Там, в «зеленке», и спрятаться можно, там и повоевать можно. Правда, выше склона и дальше – высокие горы шли, со снежными шапками. А за ними путь в сторону Ингушетии. Мне туда не надо. Свернуть в нужном направлении я всегда успею. Пока главная задача – обеспечить себе отрыв от погони и перевязать ногу. Сначала отрыв. Перевязка потом, когда запас времени позволит. Не такая рана, чтобы я сознания лишился из-за потери крови. А имея запас времени, я могу и сориентироваться лучше.

И я двинулся туда, к тропе.

Но едва удалился от дороги, как вздохнул с облегчением, радуясь своему выбору, потому что ущелье донесло до меня звуки автомобильных двигателей. А скоро и фары стало видно. Ехали две машины – как я определил без труда даже в темноте, два грузовика. Ехали быстро и уверенно, словно со сложной дорогой были хорошо и давно знакомы. Чужие так по ночам не ездят по горным дорогам. Пусть это и не серпантин, но все же полотно дороги тянется не всегда по дну ущелья, а временами на склон взбирается. И есть возможность при неудачном повороте загрохотать под уклон.

Конечно, для меня эти грузовики угрозы не представляли, а были бы опасны только в том случае, если бы я сдуру сел посреди дороги, дожидаясь, когда машины остановятся, а пассажиры, ткнув стволом мне под ребра, предложат подвезти. Что из грузовика можно увидеть? Только дорогу в месте, куда свет фар падает. Это освещенное пятно всегда кажется некоей материальной точкой, вокруг которой остальное словно бы не существует. И мне можно было бы легко спрятаться за первым же попавшимся камнем. Можно было бы самому рядом с дорогой согнуться в форме камня, и никто не принял бы меня за человека. Я успел бы. Это днем труднее. Днем видно лучше, видно далеко, особенно если смотреть сверху. А дорога к селу как раз сверху шла. И днем меня могли бы заметить сразу.

С грузовиками история – вообще палка о двух концах.

Еще год назад, увидев на дороге грузовики, можно было бы смело выходить им навстречу. Это наверняка были бы военные машины, и я обязательно встретил бы своих даже раньше, чем ожидал. Правда, военные грузовики обычно ходят под прикрытием боевой машины пехоты или бронетранспортера, сейчас же такого прикрытия не было. Но и военные машины порой можно встретить без прикрытия. Я сам, когда мы на посту стояли, перекрывая дорогу, приказывал поднять шлагбаум после проверки документов. Сейчас же рисковать я не пожелал, потому что видел грузовики и у бандитов.

Лучше, не имея полной уверенности, надеяться только на свои ноги.

* * *

Так и получилось, что я бежал от близкого преследования, бежал, старательно создавая себе запас времени, а оказалось, что мне этот запас совсем не нужен. Меня, к моему глубокому удивлению, никто не преследовал.

Преодолев последние пару километров, я вышел на такое место тропы, откуда хорошо было видно село. Хорошо видно было бы, говоря по правде, в бинокль. Без бинокля видно было только село, но не видно того, что в селе происходит. Однако по крайней мере с этой точки можно было бы рассмотреть приближение погони. Когда она будет, эта погоня. Пока же ничего увидеть не удалось. Не намереваясь и даль-

ше сидеть и ждать у моря погоды, я двинулся по тропе вверх, рассчитывая, что сверху обзор лучше и оттуда проще будет ориентироваться, выбирая дорогу на юг.

Пологая тропа не сильно утомляла, и, только преодолев ее на две трети, я, заметив большую кучу собачьих, видимо, экскрементов, остановился и задумался, потому что такая куча встретилась мне уже в третий раз. Потом присел и стал внимательно всматриваться и в саму тропу, и в окружающее ее пространство. Не сразу, но я понял, что это вовсе не человеческая тропа. То есть люди здесь тоже ходят, но не одни~ Это тропа скотогонная, и ведет она к горному пастбищу, на котором пасут овец. Более мелкие овечьи экскременты тоже встречались часто, но они не так бросались в глаза, как собачьи, и потому я не сразу обратил на них внимание. Собаки охраняют овец от волков и чужих людей. Не одна собака, а целая стая, наверное. Сами полудикие, как волки, и гораздо более сильные, чем те же самые волки. Если собаки набросятся на меня стаей, то автомат уже не поможет. А я шел, судя по всему, как раз туда, где собаки работают. На их охраняемую территорию.

Рисковый, выходит, я парень или с головой совсем не дружу. Третьего не дано.

Значит, поверху идти нельзя. По большому счету, как я слышал, обычно с пастбищ и уйти бывает некуда. Пастбища здесь издавна так выбирались, чтобы к ним было минимум путей, иначе соседи выберут момент, нападут и угонят

единственное достояние села или целого тейпа – стадо. Воровство скота у соседей – это основной промысел горных чеченцев на протяжении многих веков. И, рискуя нарваться на собак и вооруженных чабанов, я в дополнение ко всему могу еще и попасть в западню, не имеющую выхода. Что там за пастбищем? Дальше, издали, из села, видны были заснеженные горные вершины. Для меня в моем положении они непроходимы. Они могут быть проходимы для альпинистов или скалолазов, но не для меня, к этому не подготовленного. Значит, следует уже круто сворачивать и двигаться вдоль дороги. И строго на север, настолько строго, насколько позволяет местность. Впрочем, ошибиться в направлении невозможно, потому что дорога служит ориентиром.

* * *

Мне трудно было точно припомнить, сколько же времени нас везли до села. В сознание я пришел уже связанный в багажнике машины, и значительная часть пути уже наверняка была позади – половина, четверть, три четверти или треть~ Вопрос стоял именно в том, какая именно часть пути, насколько значительная часть пути? Путь, пока я пребывал в сознании, занял не меньше двух часов. Может быть, чуть больше, может быть, даже два с половиной часа, но меньше трех. Когда ощущаешь дикий физический дискомфорт, привычное чувство времени и вообще ориентация в нем на-

рушаются. А сколько мы ехали до этого? Можно ли просчитать?

Захватили нас в предгорьях. В сознание я пришел, когда за окном уже были горы. Я их не мог рассмотреть, но горы ощущались по движению машины – угол наклона, натужность работы двигателя, даже такого мощного, как у джипа «Гранд Чероки». Все это хорошо вспоминается задним умом. Да, значит, до гор мы уже добрались. Но до начала гор добраться можно было и через полчаса, и через час пути. И еще через три часа пути вокруг были бы тоже только горы.

Как же во времени сориентироваться? Сориентироваться нельзя, поскольку я не знаю самого момента, когда нас загрузили в машину и повезли. В этом случае нельзя даже приблизительно знать время, когда мы в село прибыли. Нас ведь могли вывезти и в начале ночи, и утром. Разброс во времени слишком большой.

Путь может быть очень длительным и трудным. И трудно идти, не зная, сколько же всего тебе предстоит пройти. Однако, когда знаешь, ради чего идешь, уверен, что обязательно путь одолеешь. Что касается усталости, то здесь я вполне был в состоянии на себя положиться. На моем счету несколько пятидесятикилометровых тренировочных марш-бросков. И во время срочной службы, и после, во время службы по контракту. Двадцатикилометровые марш-броски – не редкость. Пятидесятикилометровые обычно достаются только офицерам и прапорщикам, и берут тех контрактников, кто поже-

лает. Иногда предлагают и солдатам срочной службы, кто в себе уверен. Это не обязательная тренировочная дисциплина. Но я в себе уверен был всегда. С самого детства на лыжах бегал, не зная усталости. А уж теперь-то тем более не устану. И рана не такая серьезная, чтобы могла мне помешать. Сто километров, сто пятьдесят километров – их я преодолею без сомнения. А если дальше – дальше уже российские области, надо полагать, пойдут.

Но моя задача состоит не только в том, чтобы уйти как можно дальше и добраться до своих~ Моя задача в том, чтобы преодолеть путь как можно быстрее, чтобы рассказать о десяти пленных солдатах и вернуться уже с другими солдатами, чтобы освободить пленников~ Иначе нет смысла во всей моей затее. Я мог бы потихоньку-полегоньку добираться куда-то, подкармливая себя орехами, которых в здешних лесах полным-полно, забираясь в огороды первого попавшегося села, чтобы и там подкормиться. А за это время пленников могут куда угодно перевести, перепрятать, и тогда невозможно будет доказать, что они существуют. Их вообще могут расстрелять и закопать.

Я шел и шел, стараясь не думать о том, сколько же я прошел, и уж тем более старался не считать, сколько пройти осталось. Передвигаться старался над дорогой, идущей по дну ущелья. Там, рядом с дорогой, и ручей пробежал более основательный, нежели попавшийся мне раньше. Если будет необходимость, всегда можно спуститься, умыться и напить-

ся. Но пока можно обходиться без воды. Пока язык во рту не трескается, надо терпеть. Так легче преодолеваются километры, которые я старался мысленно не считать, хотя так же мысленно уже составлял в голове карту и помнил каждый поворот дороги в правильной последовательности. В такой правильной последовательности, что разложи кто-то передо мной кучу местных карт, я только по конфигурации дороги смогу показать, где я шел. Эту способность за собой я хорошо знал и сейчас пользовался ею.

Дорога подо мной была чистой и свободной, и манило спуститься на нее, чтобы двигаться по гравийно-грунтовому полотну, плотно утрамбованному за десятилетия эксплуатации, а не по склону, где даже нет тропы и где раненая нога постоянно вынуждена находиться в напряженном полусогнутом состоянии, и сменить согнутую ногу можно только в том случае, если идти в обратную сторону. Однако передвигаться по дороге было слишком рискованно, потому что там человека видно издалека, в отличие от склона. Но взгляд все чаще возвращался к дороге, по которой за несколько часов, что я шел над ней, только трижды проезжали легковые машины. Они, конечно, тоже представляют собой угрозу. Не только потому, что в машине могут оказаться бандиты, но и потому, что каждый водитель может стать носителем информации об одиноком путнике. И сразу станет ясно, кто этот путник и куда он идет. И потому я предпочитал при появлении звука двигателя прятаться в кустах или среди камней.

Хорошо, что на склоне звук слышно было издали, а потому и время, чтобы выбрать укрытие, у меня было. Но неизвестно было, как слышно звуки двигателя на самой дороге, где акустика отличается своими характеристиками. Машина может неожиданно приблизиться, выскочить из-за очередного поворота тогда, когда у меня не будет возможности вовремя спрятаться. И я шел по склону, преодолевая боль в раненой ноге, и все чаще думал о том, чтобы спуститься на дорогу. Потом проехали два грузовика. Тентированные кузова кого-то скрывали. Наверное, это были те самые грузовики, что ехали в обратном направлении на рассвете. Хотя вовсе и не обязательно. Но не так много, наверное, в этих местах грузовиков, чтобы они появлялись часто. Возможно, это были грузовики с постов на дороге. Одну смену увезли, другую привезли или еще какую-то подобную операцию совершили. Может, просто за продуктами для постовых ездили. Каждая машина для своего поста. Хотя, наверное, рациональнее было бы гонять одну машину, чтобы обеспечить сразу два поста продуктами. Но это неважно. В грузовиках могли оказаться и охотники за моей персоной, прибывшие на посты в дополнение к сидящим там людям. А такой расклад событий мне, естественно, совсем не нравился.

Но дорога все манила к себе возможностью идти по ровному месту. И хотя я умышленно совершенно не прилагал усилий, чтобы приблизиться к ней, тем не менее не умышленно приближался, и приближался заметно. Дело в том, что путь

по склону я себе не выбирал. Я шел поперек спуска там, где идти было можно. Но чем дальше, тем склон с левой от меня стороны становился отвеснее, и мне, чтобы продвигаться вперед, следовало спускаться все ниже и ниже, все ближе и ближе к дороге. По другую сторону ручья, все так же провожающего дорожное полотно по дну ущелья, вообще стояла каменная стена, которую преодолеть было невозможно, только перед этой стеной шла полоса «зеленки» метров в сорок шириной. Может быть, следовало туда перебраться, чтобы идти по более ровному месту. Но я решил время на переход не тратить и продвигаться вперед прежним маршрутом до тех пор, пока это будет возможно, ибо за следующим поворотом местность может оказаться непроходимой.

Так и оказалось, как я предполагал.

За поворотом путь мне преградило нагромождение крупных камней, а дальше, за камнями, если бы я стал их преодолевать, стояла стена, круто заворачивающая к ущелью. Выход был один – спуститься к дороге, хотя и это тоже пришлось сделать не сразу, потому что по дороге быстро ехал светло-голубой «жигуленок». Дождавшись, когда он скроется за поворотом, я подобрался уже почти вплотную к дороге, когда снова услышал шум двигателя. Причем совсем близко, и едва-едва успел плюхнуться в первую попавшуюся ямину. Тот же самый «жигуленок» уже возвращался~

Такое событие не могло остаться без внимания. И объяснений было только два. Первое – кто-то поехал по своим де-

лам, но не вовремя вспомнил, что забыл дома нечто важное, и решил на той же скорости, если не быстрее, вернуться, чтобы потом, опять так же быстро, отправиться в новый путь. Второе – впереди был один из двух мне известных постов. Место для расположения поста очень даже подходило, поскольку ущелье здесь стискивалось скалами до узкого проезда. Самое удобное место, чтобы контролировать всех проезжающих или даже проходящих, типа меня. И нет, по всей вероятности, возможности пост обойти.

Когда машина, возвращаясь, проехала мимо меня, я успел увидеть, что в салоне кроме водителя сидит еще один человек. Но был он с оружием или без оружия – рассмотреть не удалось, поскольку автомат в окно никто не высовывал, а пассажир высовывал только руку, ловя ветер раскрытой ладонью. Вполне вероятно, что кто-то ездил на пост, чтобы передать приказ. Против такого утверждения был только один аргумент. Я видел на столе перед Авдорханом Дидиговым мобильный телефон. Значит, здесь существует сотовая связь. А если она существует, любой приказ на пост проще передать по телефону, чем гонять туда машину.

Однако и это утверждение не может быть категоричным, поскольку существует сколько угодно контрутверждений, разрушающих весомый вроде бы аргумент. Например, здесь, на посту, нет элементарной розетки, чтобы можно было подзарядить аккумулятор трубки. Вот и возникает необходимость съездить и доставить аккумулятор для осуществления

той же двусторонней связи.

Конечно, пост в таком узком месте выставлен правильно и представляет угрозу человеку в моем положении. Но я давно знаю: где люди уверены, что они прочно перекрыли проход, там пройти легче, чем в ином месте, где уверенности нет и потому постовые напряжены и внимательны. Труднопроходимый участок, напротив, вызывает у охраны расслабление. И при умении этим можно воспользоваться себе во благо. Именно при умении. При умении маскироваться, при умении ползать тихо и быстро, как змея. И при этом наносить смертельные удары.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Подождав, когда машина удалится, я сначала внимательно присмотрелся к тому, что ждет меня по ту сторону дорожного полотна, особое внимание уделив «зеленке», чтобы от туда мне навстречу не возникла какая-либо неприятность в виде поднятых в боевое положение автоматных стволов, потом спустился, быстро, почти не хромя, хотя боль чувствовалась, перебежал дорогу, миновал мелкий ручей, не задержавшись на «водопой», и сразу углубился в заросли, чтобы не быть долго видимым со стороны. Так всегда бывает – редко что замечаешь за пределами дороги, но на самой дороге любой новый предмет видно сразу. При этом прямо во время передвижения я примерно прикинул скорость только что проехавшей машины и время, которое она могла затратить на путь до поста, если таковой существует, на короткий разговор и на обратный путь от поста до меня. Следовательно, я уже приблизительно знал, где может находиться пост, хотя до конца и не был уверен в его существовании именно здесь. Но сомневаться долго мне было не суждено. Едва я углубился в середину зарослей, как где-то впереди одиночно прокуковала кукушка, ей тут же очень хрипло ответила

другая за моей спиной, и третья пожелала влиться в хор, подав голос с места, которое я только что прошел. Но я, человек хоть и городской, все же хорошо знал, что кукушки стаями не живут. Они могут жить в пределах слышимости друг друга, но не настолько близко, и той кукушке, что подавала голос слишком хрипло, лучше было бы кричать вороном. Я понял, что попал в ловушку и окружен уже с трех сторон. С четвертой перекрывать мне путь отхода необходимости не было, поскольку там была отвесная скала. Однако я не запаниковал, хотя и понял, что недооценил Авдорхана Дидигова, позволившего мне расслабиться и ошибочно почувствовать себя Рэмбо, хотя таковым себя не считал. Любой спецназовец, даже солдат, посмотрев эти фильмы про Рэмбо, может просто улыбнуться и даже не утруждать себя разбором элементарных профессиональных ошибок, допущенных киногероем. Пусть этим киношники занимаются. Нам некогда об этом думать. А мне лично подумать было о чем~ Впрочем, я думал недолго, я вообще, можно сказать, не думал, я просто сразу начал действовать, выбрав из нескольких вариантов наиболее, на мой взгляд, подходящий случаю. Это было несложно, поскольку я знал, чего ожидали бандиты от меня, а они не знали еще, что я догадался об их присутствии.

Ожидали они того, что я попытаюсь пройти мимо поста, там ждали меня и готовы были встретить. «Зеленка» в том узком месте тоже предельно узкая, и перекрыть ее нетрудно. Они, конечно же, перекрыли. И никого не пропустят. Под-

стрелить человека из-за куста можно легко, что они и постараются сделать. Не убить, а просто подстрелить. Перебьют ноги, и уже никуда от них не денешься.

Бандиты предполагали, что я могу каким-то образом обнаружить засаду, и потому перекрыли все три возможных пути отхода: спереди меня ждали, со стороны дороги тоже, видимо, из кустов выползли и ждали, и позади устроили из каркающей кукушки засаду. Это на случай, что я умудрюсь все же отступить невредимым. Но я пошел туда, куда идти не должен был. Я пошел к отвесной скале. И даже не пошел, а побежал, несмотря на боль в раненой ноге. Но при этом даже сам себя не слышал, настолько тихо я передвигался. К своему удивлению, я даже стука собственного сердца не слышал, хотя думал, что, оставшись в одиночестве, в такой сложной ситуации буду волноваться. Я не волновался, хотя никогда раньше не выполнял боевую задачу в одиночестве. Наверное, сказалась подготовка и тренировки, сказалось непосредственное участие в боевых действиях. Когда привыкаешь, ничто постороннее уже не мешает. И волнение тоже не мешает. Если оно и есть, то слабое, незначительное.

Я быстро проскользнул под скалу, прислушался, осмотрелся и убедился, что просчитал правильно. Здесь никто не догадался выставить заслон. Он, может быть, и выставлен прямо под скалой, но только впереди, ближе к самому посту, где перекрыты все возможные проходы, но здесь никто о такой необходимости не подумал. Да и не было здесь, к моему

счастью, этой необходимости.

«Кукушки» больше не куковали, довольные, что заперли меня. Ведь я даже у самой скалы все равно оставался пока еще запертым. Однако трудно было предположить, что каждую из сторон они перекрыли сплошной цепью. Для этого слишком много людей надо. А ведь сплошной цепью следует перекрыть проход около поста. И потому я, оказавшись на земле, легко и быстро пополз в обратную от поста сторону.

Если спросить любого солдата спецназа ГРУ, какое из занятий в базовой подготовке самое надоедливое и нудное, каждый наверняка ответит, что ползание. Сам много раз так говорил и от других слышал. Ползать нас заставляли, как нам самим всегда казалось, неоправданно много и без всякой необходимости. Потом, когда мы стали участвовать в боевых действиях, ползание на занятиях уже не выглядело ненужным, потому что в лесах и в горах часто приходилось использовать этот не самый быстрый способ передвижения. А сейчас, как я понимал, только умение ползать долго, быстро и беззвучно и могло меня спасти.

И я полз, огибая кусты и деревья. Где необходимо было повернуться на бок, чтобы между двумя стволами протиснуться, я переворачивался, где такой необходимости не было, я скорости не сбавлял. Вообще-то я обучен ползать и быстро, когда требуется, и медленно, совершенно беззвучно, если нужно. Три месяца назад вместе со старшим лейтенантом Скорняковым мы подползали к костру, у которого сиде-

ли двое боевиков, по совершенно открытому месту. И дело было не ночью, потому что ночью тот, кто на костер смотрит, в темноте ничего не видит, и к нему можно в полный рост подходить почти на расстояние удара. По крайней мере на расстояние прыжка и удара. Мы подползали в утреннем сумраке, когда все больше и больше светало. Ползли без звука, замирая при каждом движении боевиков. И подобрались так, что смогли произвести бесшумный захват. Настолько быстрый и настолько бесшумный, что четверо других боевиков проснулись только тогда, когда у них на руках наручники защелкивались.

Сейчас я полз быстро. Мне нужно было выбраться из опасной зоны. Сложность состояла в том, что я не знал точных границ этой зоны и мог ориентироваться только по недавней переключке «кукушек». И местоположение каркающего голоса я мог определить только приблизительно. И потому я все же прополз дальше необходимого. А уже оттуда стал прислушиваться. И дважды уловил звуки явно не природного происхождения. Сначала ветка под нажимом треснула, потом кто-то просто в сторону перебежал. Перебежал именно в сторону скалы. Боевики хватились, видимо, но хватились поздно. Я уже прошел там. А если бы хватились раньше, я бы все равно прошел, потому что полз я настороженный и все впереди видел. Я наверняка заметил бы бандита раньше, чем он меня. И уничтожил бы. Но я все равно его уничтожу.

Интересно, сколько человек они смогли выделить в за-слон? Не могли они много выделить. И количество людей у них наверняка ограничено, и это уже, по идее, последняя контролирующая линия. Последняя всегда бывает самой слабой, потому что до нее дело редко доходит.

Но хорошо бы не уходить сразу, а людей хотя бы посчитать~ Это не от злобы душевной и не от страсти маньяка к убийству. Это для того, чтобы себя обезопасить на будущее. И упростить свою задачу по освобождению пленников. Если меня здесь «закрыли» плотно, то, по всей вероятности, так же плотно «закрыли» везде. И постараются не дать мне возможности к своим прорваться. Значит, мне следует менять тактику, хотя и прорваться, пожалуй, тоже можно будет попробовать. Но, если ставить перед собой другую задачу, следует учитывать, что, закрывая плотно выходы, они наверняка ослабляют охрану пленников. И этим грех не воспользоваться. Хорошо, конечно, было бы вернуться к своим с ценной информацией. Но еще лучше вернуться с освобожденными солдатами, вчерашними пленниками.

* * *

Пусть и не война идет, но все же идут боевые действия. И в этих условиях я не просто человек, я солдат, я боевая единица, и не простая, а боевая единица элитного рода войск, самого боеспособного рода войск в российской армии. Меня

похитили. Меня только что вот мечтали заманить в ловушку. Следовательно, я имею полное право отвечать жестко.

И я решил ответить. И начал как раз с того, кто сдвинулся в сторону скалы. Он ко мне ближе, чем другие. Он считает, что я где-то там, впереди, и никак не ожидает, что я окажусь у него за спиной. А я заходил именно со спины. Точнее, не заходил, а заползал. И уже не так быстро, как полз несколько минут назад. Теперь каждое движение было выверено и неторопливо, просчитано вперед еще на несколько движений. Пусть так медленнее, но так я останусь незамеченным наверняка.

Счет времени я не вел. Но показалось, что бандита я заметил почти сразу после начала движения. Он сначала слишком высоко держал голову, когда высматривал дорогу впереди, потом слишком высоко поднимал острый куриный зад, когда высмотренный путь осиливал, как ему казалось, ползком. Я ползал более беззвучно и несравненно быстрее. Уж про незаметность моего передвижения со стороны и говорить не стоило.

А бандит занял позицию среди кустов. И постарался устроиться с удобствами, ради чего долго ворочался, подкладывая и перекладывая под собой бушлат так тщательно, будто намеревался здесь по крайней мере переночевать. Это он, конечно, зря. Ночевать ему, может быть, и придется здесь, только сам он этого не ощутит. А бушлат он с собой не зря взял. Мне бушлат ночью может понадобиться, потому что

ночи в горах даже в разгар лета прохладные.

Он совсем не слышал меня. Он словно бы полностью глухим был. Впрочем, наверное, и я от него ушел не слишком далеко, потому что сам себя не слышал. И, оказавшись у бандита за спиной, я встал в полный рост, пользуясь тем, что тень ложится в сторону, и нанес прикладом точный и сильный удар в затылок. Он даже звука не издал, только ткнулся носом в корни кустов. Я снял у него с пояса на спине солдатскую малую саперную лопатку, проверил – отточена так, как оттачивают в спецназе. Бандиты тоже научились лопатками пользоваться, но пользуются ими, как топорами. И считают это грозным оружием. Однако в спецназе проходят целый курс фехтования на лопатках. И не только фехтования. Лопатка способна и от пули защитить, если умело ею пользоваться. Короче говоря, мне лопатка была более кстати, чем ему. Спина моего противника была связана резиновыми креплениями «разгрузки». Значит, много больших карманов, и было, наверное, что в карманы положить. И все это может мне сгодиться. Я перевернул бандита лицом к небу. И узнал того парня, что в селе вытаскивал нас за шиворот из багажника машины. Под выхлопную трубу укладывал, чтобы мы не слишком восторгались чистотой горного воздуха. За это, конечно, не убивают. За это можно было бы ему просто морду набить. Но сейчас передо мной лежал не мой личный враг, который надо мной издевался. Передо мной лежал человек, который скоро придет в сознание и поднимет тревогу.

И даже если его связать и засунуть кляп в рот, все равно сегодня или завтра этот человек будет способен помешать мне освободить десятерых пленных спецназовцев.

Но все же ударить человека, находящегося в бессознательном состоянии, убить его вот такого, беспомощного, у меня рука не поднялась. Я принялся осматривать содержимое больших карманов «разгрузки». Два сдвоенных рожка к автомату – очень даже сгодятся~ Сто двадцать патронов плюс к тому, что у меня осталось~ Три гранаты к «подствольнику» – значит, предстоит и автоматами поменяться, поскольку мой автомат без подствольного гранатомета. Кусок овечьего сыра и половина лепешки в целлофановом пакете. Это очень ценная находка. Несуразно большой складной нож. Складные ножи мало пригодны для боя, но, в крайнем случае, и этот может сгодиться, поскольку оружием может стать все, даже простая палка или остро отточенный карандаш~ И еще в одном кармане нашлась плоская металлическая фляга~ Хорошо, если с водой, хотя в таких обычно водку носят. Но мне и водка сгодится, чтобы рану обмыть~ А потом можно будет во флягу и воды налить.

У меня просто не хватило бы карманов, в которые все это можно поместить, и я стал снимать с бандита «разгрузку», когда он пришел в сознание. Я почувствовал, что он пришел в сознание, по напряжению мышц, хотя глаза он еще не открыл. Но ситуацию оценил, ощутил боль в затылке и понял, что произошло. Он явно готовился сделать мне ка-

кую-то гадость, и я приготовился. Глаза открылись почти одновременно с тем, как начала подниматься его нога, чтобы ударить меня в пах. Я просто поставил блок голенью и нанес удар подготовленной лопаткой. Точно в лоб. Кость захрустела так громко, что я оглянулся – нет ли кого-то поблизости, кто этот звук услышит. Никого, к счастью, рядом не оказалось, иначе не обойтись бы без выстрелов, а выстрелы мне ни к чему, потому что без выстрелов я сумею нанести противнику больше урона, чем при обоюдной перестрелке. Автомат бандита, чтобы он не попал в руки еще кому-то, я отнес в сторону и спрятал в кустах. Хорошо бы, конечно, забрать с собой и оружие, чтобы потом, после освобождения пленников, и их вооружить. Но таскать с собой лишний груз, тем более ползать с лишним грузом – это мне не очень улыбалось~

* * *

Облачившись в «разгрузку» бандита, я даже чувствовать себя стал иначе. Вооруженным~

Обычно «разгрузку» поверх бронежилета надевают. У бандита бронежилета не было. Воевать в бронежилете без привычки вообще трудно – слишком он тяжел, и сначала кажешься себе неповоротливым, словно танк. Но я привычный к такому доспеху и, если бы подвернулся, не отказался бы от лишней защиты. А без бронежилета «разгрузка» с большими

тяжелыми карманами висела на мне несуразно. Но все равно это было лучше, чем вообще не иметь карманов. А главное оружие, которое мне было необходимо для завершения задуманного, нашлось – малая саперная лопатка.

И я не стал долго задерживаться на месте, памятуя, что здесь, в последнем заслоне, еще кто-то должен быть. Но напрямую, перпендикулярно ручью и дорожному полотну, не пополз. Кратчайший путь не всегда бывает самым правильным. И я начал большой обход, мысленно очертив полукольцо своего маршрута, которым должен был обхватить весь возможный заслон. И добрался, таким образом, до самых крайних кустов, отстоящих от ручья на пару шагов. Почему-то снова очень захотелось пить, словно я вообще не пил сегодня. Опять начал трескаться язык во рту. Но я сдержал себя, хотя мысль промелькнула, что никто и не увидит, как я к ручью шагну, и, как оказалось, опасался я не напрасно. Следующий бандит встал на колени буквально в пяти шагах от меня и остервенело почесал себя под мышкой. Он так увлекся этим сладким занятием, что ничего вокруг не видел и не слышал. Грех было таким случаем не воспользоваться, тем более что лопатка была у меня в правой руке.

Разворот для удара я делал уже в прыжке, который начал после двух шагов разбега. Бандит какие-то звуки услышал, начал непонимающе и потому неторопливо оборачиваться и уже в последний критический момент увидел меня, но наклониться за автоматом не успел, потому что лопатка уже

опускалась острой гранью на его голову, украшенную зеленой повязкой с надписью арабской вязью. Естественно, повторять удар не пришлось. Одного удара лопаткой хватает любому человеку, даже с самым крепким черепом. А уж если удар наносится в прыжке, когда к движению руки добавляется вес и стремительность падающего вперед тела, то и говорить не о чем. Меня интересовал бронежилет и содержимое карманов. Бронежилет мне понравился из-за своей легкости. Это явно было не изделие российской оборонной промышленности. Не могу сказать, как он будет пулю держать, но чувствуешь себя в таком уютно и почти комфортно. «Разгрузка», надетая поверх бронежилета, сидела гораздо лучше и даже почти стягивала сам бронежилет на левом боку, где у него отсутствовала липучая застежка. Оставался только небольшой просвет открытого тела, но нужно быть снайпером, чтобы в этот узкий просвет попасть. Из карманов «разгрузки» бандита я позаимствовал только кусок вареной баранины с хлебом и пучок перьев чеснока. Значит, обед мне обеспечен, да и, пожалуй, на ужин и на завтрак кое-что останется, поскольку обжорством я никогда не страдал и умел обходиться малыми порциями еды, необходимыми только для поддержания организма в боевом тонусе. Два сдвоенных рожка с патронами я посчитал лишним для себя грузом, но и оставлять их бандитам не захотел и потому вместе с автоматом унес в самые густые кусты и спрятал точно так же, как первый автомат. Две же стандартные гранаты

«ВОГ-25» для «подствольника» и две гранаты «Ф-1» отлично уместились в карманах «разгрузки».

По моим прикидкам, на последней линии заграждения должен был остаться еще по крайней мере один человек, который перекрывал центр узкой полосы. И мне хотелось бы найти его, чтобы полностью уничтожить эту отдаленную от всех линию заграждения. По большому счету, не мешало бы допросить кого-то относительно места, где прячутся остальные пленники. Но сейчас захват живого противника и допрос его опасны, поскольку врагов у меня слишком много и с пленником больше шансов на них нарваться. Поэтому работать пока следует на количественное уменьшение врагов, то есть, говоря попросту, на банальное уничтожение. Они не хотят верить и никогда не поверят, что один спецназовец ГРУ, даже не офицер, а солдат, в состоянии полностью уничтожить весь джамаат Авдорхана Дидигова. А я в этом как раз уверен. В крайнем случае я смогу нагнать на них такого страха, что они будут передвигаться только в полном составе, не рискуя разделиться, и то с опаской. А возможно, вообще заблокируются в каком-то помещении и носа высовывать не будут. Но это будет потом, когда я узнаю, где содержатся пленники. Провести допрос можно всегда, и пока еще общий страх не пришел, всегда будет кого допросить.

Поиск предполагаемого третьего звена последнего заслона занял больше времени, чем поиск и уничтожение двух первых бандитов. У меня уже колени и локти болеть начали, когда я нашел третьего. Он хорошо замаскировался и даже на голову себе что-то лохматое, изображающее куст, пристроил. Но, чтобы хорошо контролировать окружающую местность, наблюдателю всегда следует крутить головой, что выдает его, ибо ветки любого куста только по ветру клонятся, а не гуляют по кругу. По этому верчению я его и выследил. Бандит соблюдал осторожность, и мне пришлось долго подкрадываться к нему, чувствуя себя змеей. Я так и полз, представляя себя змеей, как учил нас старший лейтенант Скорняков. А змея умеет наносить смертельный удар. Единственный, но смертельный. А бандит словно бы чувствовал что-то неладное. При моем приближении его голова чуть ли не на триста шестьдесят градусов крутилась. И каждый поворот головы заставлял меня замирать. Но на дистанцию последнего рывка я все же вышел. И там, сбрасывая с себя напряжение, спросил не слишком громко:

– Ты не устал прятаться?

Он подпрыгнул, как я и ожидал.

И в этот момент лопатка пришла в движение. Дело было кончено быстро, потому что змея наносит только один смер-

тельный удар.

* * *

Я опять спрятал оружие бандита и патроны, а себе забрал только провизию и стандартный армейский перевязочный пакет, который оказался мне очень кстати. Однако делать сразу перевязку не стал.

Кто-то из троих обладал каркающим голосом, но я так и не узнал, кто именно. Это меня, впрочем, не сильно расстраивало. Отыскивая третьего, я убедился, что четвертого в последнем заслоне нет. И потому мог чувствовать себя спокойно. Но сколько здесь еще заслонов, этого я не знал. Говоря честно, я слишком устал от долгой охоты за третьим бандитом, от напряжения и поиска. Начала болеть нога. В более здоровом состоянии, возможно, я и пошел бы ближе к посту, чтобы проверить ситуацию и поискать себе следующую жертву. Сейчас же искать никого не хотелось. Я вышел к ручью, минут пять полежал среди кустов, присматриваясь к дороге, к берегу и к кромке «зеленки», ничего подозрительного не заметил и только после этого быстро, хотя и неторопливо напился и вернулся в кусты. Там проверил флягу. В емкости была даже не водка, а крепчайший, может быть, даже чистый спирт. Не слишком жалея его, я снял свои самодельные бинты и промыл рану спиртом. Щипало сильно, пахло противно, но дезинфекция была необходима. Остатки спир-

та я выливать не стал, хотя сначала появилась такая мысль. Думал воды набрать. Но предположил, что, во-первых, и эту рану необходимо будет промыть вторично, и никто не гарантировал мне, что я не получу вторую или даже третью рану в дальнейшем. И тогда спирт может понадобиться. Флягу я пристроил в карман. А вот перевязочные пакеты меня интересовали больше, но мне попался только один. Разрезав штанину большим складным ножом, я наложил себе полноценную повязку. Так, конечно, будет лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.